

МИХАИЛ
БОГОСЛОВСКИЙ

ДНЕВНИКИ 1913—1919

Михаил Богословский
Дневники 1913-1919

«WebKniga»

2011

Богословский М. М.

Дневники 1913-1919 / М. М. Богословский — «WebKniga», 2011

Дневники М. М. Богословского (1867–1929), одного из виднейших представителей московской школы историков, ученика и преемника В. О. Ключевского на кафедрах русской истории в Московском университете и Духовной академии, впервые публикуются в полном объеме. Основу составляют ежедневные записи с июля 1915 г. по ноябрь 1917 г., публикуются также сохранившиеся фрагментарные записи 1913 г. и дневник за два месяца 1919 г. Многочисленные сведения о событиях и лицах, с которыми М. М. Богословского сталкивала судьба, стремление вписать свои наблюдения в контекст русской истории делают его дневники ценнейшим историческим источником, важным для понимания университетской и интеллигентской среды в эпоху кризиса всех традиционных ценностей. Дневниковые записи позволяют также лучше понять внутренний мир крупного ученого, его мировоззрение, оценить его вклад в историческую науку и вместе с тем ощутить обаяние его личных, человеческих качеств. Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

Содержание

Дневник московского историка и его особенности	5
1913 год	29
1915 год	30
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Богословский

Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея

Дневник московского историка и его особенности

С недавнего времени дневниковые записи, эпистолярная и мемуарная литература стали для многих особо привлекательным чтением. Интересующимся историей это помогает отойти от навязчивого схематизма и одноцветности в изображении и истолковании явлений прошлого. Заметное усиление тяги ученых историографов к такого типа документации показывает изменение представлений о предмете и задачах историографии – отрасли исторической науки, изучающей ее историю, развитие исторической мысли. Ранее, в советские годы, внимание историографов сосредоточивалось преимущественно на концепциях исторического процесса (в целом и в частности), общественно-политических воззрениях историка и проявлениях его активного участия в общественной жизни. Ныне, осознавая все в большей мере, что всякое творение отражает натуру своего творца, стремятся ознакомиться и с источниками, позволяющими познать особенности образа мысли и поведения историка, приемы его каждодневного труда, его внутренний мир и его взаимосвязи с научным и иным окружением. Тем самым, дневники, письма, мемуары историков стали восприниматься как существенная сфера их творческой деятельности; и численность документальных публикаций подобных исторических источников и трудов (статей, а теперь уже и книг), основанных на их изучении, неизменно увеличивается.

Историк Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) – профессор Московского университета, а также Высших женских курсов и Московской духовной академии, в 1921 г. ставший членом Российской академии наук – одна из самых заметных фигур в сфере научно-просветительской жизни Москвы первой четверти XX столетия. В наши дни творческое наследие ученого вызывает возрастающий интерес; все более осознаем и значимость содеянного им для развития нашей исторической науки. В монографиях Богословского «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.» и «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.» (в основе которых магистерская и докторская диссертации историка) исследуется повседневная жизнь, показаны информационный потенциал источников ее изучения (прежде всего документов делопроизводства) и методические приемы выявления таких данных, как история повседневности, микроистория, локальная история – проблематика, особо привлекательная в последние десятилетия для историков всего мира. Монументальный труд М. М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» остался незавершенным (биография доведена до 1700 г.), но признается самым выдающимся образцом исследования биографии государственного деятеля изо дня в день.

Выпускник и профессор Московского университета, с 1911 г. заведовавший кафедрой русской истории, возглавлявшейся до того В. О. Ключевским, сыграл особо заметную роль в формировании исследовательского и преподавательского мастерства тех виднейших историков советских лет, которые старались сохранять и совершенствовать славные традиции нашей исторической науки – знаменитые профессора Московского университета академики Н. М. Дружинин, В. И. Пичета и М. Н. Тихомиров, учителя уже моего поколения историков, подчеркивали значение именно семинариев профессора Богословского предреволюционного десятилетия в становлении их творческих навыков и напоминали о дорогом учителе, обращаясь к молодежи. Наставничеству Богословского обязана формированием уже в 1920-е годы (когда профессора истории – «спецы» дореволюционных университетов усилиями М. Н. Покров-

ского были отлучены от преподавания в вузах) и школа исследователей – музейных работников в Историческом музее, к которой восходят достижения нашего современного музееведения. Богословский немало сделал для выработки программы краеведческой работы 1920-х годов, развития архивного дела и его взаимосвязи с наукой.

М. М. Богословский скончался 20 апреля 1929 г. Пораженные этой утратой историки сразу же попытались написать тексты некроложного стиля, выступали с воспоминаниями. Готовился сборник статей памяти ученого. Но с фальсификацией ОГПУ «академического дела» историков и арестом академиков С. Ф. Платонова (в Ленинграде) и М. К. Любавского (в Москве) и ученых из окружения их и академика М. М. Богословского работа эта прервалась. Как явствует из следственного дела, Богословского старались изобразить руководителем московских участников сфабрикованного ОГПУ монархического заговора. Публикация его сочинений прекратилась, подготовленный С. Ф. Платоновым для академического издания некролог тогда не увидел свет.

В середине 1930-х гг. оставшимся в живых потерпевшим по «академическому делу» дали возможность вернуться к научной работе. К тому времени отступились и от официально навязываемого М. Н. Покровским и его «школой» вульгаризаторского социологического схематизма и национального нигилизма в изображении прошлого России. «Государственнические» воззрения по существу находили отражение в официальной программе создания произведений искусства (прежде всего кино) и художественной литературы, долженствующих противостоять внушавшимся ранее представлениям Покровского об этом периоде истории. Решено было готовить и издание незавершенного многотомного труда Богословского о жизни и деятельности Петра Великого. Этим занялась верная ученица Богословского Н. А. Бакланова¹. Правда, в издание этих пяти томов внесена была конъюнктурная цензурная правка – изменения и в заголовке и в тексте².

В учебном пособии профессора Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (вышедшем в 1940 г.) – лучшем обобщающего типа историографическом труде советской эпохи – в емкой характеристике написанного М. М. Богословским отмечено, что историк ставил перед собой задачу «восстановить конкретную историческую картину», воспроизвести «конкретные отношения реальной жизни».

Но еще в 1948 г., когда развернулась безобразная кампания «разоблачения» вредности якобы методологии и общественно-политических взглядов виднейших ученых-гуманитариев начала XX века и в академических научных изданиях появились статьи такой направленности об историках А. С. Лаппо-Данилевском и А. Е. Преснякове и филологе А. А. Шахматове, писали, что в книгах Богословского о Петре I высказываются «откровенно... реакционные взгляды». И первые печатные труды, специально посвященные Богословскому, могли появиться только после посмертной реабилитации осужденных в 1931 г. академиков и возвращения им этого звания в 1967 г. Автор первой обстоятельной статьи о Богословском, напечатанной в 1974 г. в 93 томе «Исторических записок» академик Л. В. Черепнин (сам в молодые годы пострадавший по «академическому делу») использовал широко и архивные материалы, ознакомив и с фрагментами дневниковых записей историка. Использовала эти записи и Л. А. Черная во вступительной статье к подготовленной ею книге избранных сочинений М. М. Богословского (часть которых ранее не публиковалась) «Историография, мемуаристика, эпистоля-

¹ О ней см.: Бакланова Н. А. // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 1. А—З. С. 117–118 (автор А. В. Мельников).

² Мельников А. В. К истории публикации труда академика М. М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 444–447; Шмидт С. О. Труд академика М. М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // Материалы и исследования Государственного Историко-культурного Музея-заповедника «Московский Кремль». Вып. XIII. Петр Великий: реформатор России. М., 2001. С. 12–24. Перепечатано в кн.: Шмидт С. О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 403–414.

рия», вышедшей в 1987 г. Книга усилила интерес к историографическим трудам ученого, а его воспоминания «Москва 1870—1890-х годов» стали перепечатывать в московских изданиях.

Деятельность Богословского привлекла внимание Т. И. Халиной (Калистратовой), писавшей о преподавании истории в вузах и подготовке научных кадров в послереволюционное время. С конца 1990-х гг. всеохватным исследованием наследия академика (прежде всего архивного) занялся выпускник Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета А. В. Мельников – ныне старший научный сотрудник Археографической комиссии и Архива РАН, член редколлегии Археографического ежегодника и Московской энциклопедии. Он составил список печатных трудов историка и литературы о нем, опубликованный в Археографическом ежегоднике за 1999 год. Именно А. В. Мельников выявил цензурную правку при издании труда Богословского о Петре Великом в пяти томах в 1940–1948 гг. и начал подготовку академического издания этого фундаментального исследования, соответствующего авторскому тексту. Первый том вышел уже с авторским заголовком «Петр Великий: Материалы к биографии». В 2005 г. Мельниковым же подготовлены к печати две книги трудов историка «Российский XVIII век» (изданные в 2008 и 2010 гг.): в первой объединены работы о времени Петра I, во второй – о периоде истории России после правления Петра I. Его усилиями достоянием читателя стали обзор воспоминаний о Богословском и напечатанных в России и за рубежом его некрологов, а также некролог, написанный его ближайшим другом последнего десятилетия жизни академиком С. Ф. Платоновым. Во втором томе издания «Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками» его переписка с Богословским – ценный источник изучения образа мысли элиты интеллигентов-гуманитариев Москвы и Петербурга – Петрограда – Ленинграда). Жизни и творчеству крупнейшего московского историка посвящены уже в нынешнем столетии диссертации, статьи, документальные публикации, Археографической комиссией РАН организованы к годовщинам со времени кончины историка научные конференции – в 1999 г. и в 2004 г., материалы которых напечатаны в Археографических ежегодниках за 2000 и 2004 гг.³

В Археографическом ежегоднике за 2000 год опубликована и статья сотрудников Отдела письменных источников Государственного Исторического музея Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой «Дневник М. М. Богословского». Фрагменты дневниковых записей напечатаны ими в журнале «Вопросы истории» (№ 2 за 2009 год) и вызвали живой интерес и у историков и у широкого читателя.

Статья Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой сравнительно небольшая, но она дает представление об основном содержании дневниковых записей, преобладающей там тематике и о стиле авторского изложения. Приводятся умело отобранные фрагменты таких записей. И потому целесообразно привести цитаты из начальной части статьи: «Ценность любого дневника – непосредственное воспроизведение действительности. Своеобразие дневника Богословского в том, что историк стремился по горячим следам вычленивать значимые события и процессы. Он вел дневник в период первой мировой войны и двух революций 1917 г. Бурные события этих лет в той или иной степени нашли отражение на страницах дневника. Иногда историк просто сухо перечисляет факты, но, как правило, записи представляют собой попытку

³ В Археографическом ежегоднике за 2000 год (М., 2001) напечатаны «Вступительное слово» С. О. Шмидта (с. 247–253), статьи Е. В. Неберекутиной, Т. В. Сафроновой «Дневник М. М. Богословского» (с. 271–279) и А. В. Мельникова «М. М. Богословский в воспоминаниях современников» (с. 280–300). В Археографическом ежегоднике за 2004 год (М., 2005) – «Вступительное слово» С. О. Шмидта (с. 171–175), статьи В. А. Муравьева «М. М. Богословский. Выбор проблемы реформ» (с. 175–180), Е. Н. Швейковской «М. М. Богословский – историк русского Севера» (с. 180–191), Е. В. Неберекутиной «Заступник рода исторического». (Деятельность М. М. Богословского в Экспертной комиссии ЦЕКУБУ)» (с. 190–206), Н. М. Осиповой «Личный фонд М. М. Богословского в Архиве РАН» (с. 206–207).

осмысления и оценку происходящего. Богословский неизменно пытается вписать дневные наблюдения в общий контекст русской истории.

Спектр проблем, волновавших Богословского, чрезвычайно широк. Наиболее полный материал дают дневниковые записи для изучения таких тем, как наука и научные интересы автора; его преподавательская деятельность, политические взгляды. Интерес представляют, кроме того, взгляды и суждения Богословского по вопросам воспитания детей, в том числе в средней школе, образования...

Присутствующие в дневнике философские рассуждения Богословского о вопросах бытия помогают понять его как личность. "Раскрывается" он на страницах дневника и как любящий заботливый отец; много теплых строк посвящены любимому сыну Михаилу – Мине, "Каплюшечке".

Богословский выступает и как художник-бытописатель: в дневнике имеются интересные описания, например, типов мелкого торгового люда, "словно вышедшего из 17 века", и даже пейзажные и жанровые наброски. Эстетические взгляды Богословского в некоторой степени выявляются по записям о его впечатлениях от посещений художественных выставок, театров и концертов».

Верным представляется и утверждение: «Консерватор по убеждениям, Богословский не мог принять не только Октябрьскую, но и Февральскую революцию. Записи его дневника наполнены критикой деятельности и Государственной думы, и Временного правительства, и большевиков. Но наибольшее раздражение Богословского вызывала даже не смена государственной формы правления, а полнейшая неспособность Временного правительства распорядиться полученной властью, в результате чего Россия переставала существовать как государство»⁴.

В издаваемой книге впервые публикуются целиком все выявленные дневниковые записи историка. Допустимо, однако, предположить, что это – лишь дошедшая до нас часть массива дневниковых записей. Записи 1913 г. кажутся отрывком, обрывающимся незавершенной фразой. По принципу отбора материала для изложения и стилистике они схожи с записями 1915–1917 гг. И Богословский вел их тоже и в Москве и в Сергиеве Посаде, где преподавал в Московской духовной академии («Пишу вечером у Троицы»). Записи же 1915–1917 гг. выглядят как продолжение текста, не имеют никакого зачина с мотивировкой цели и значимости ведения дневника, хотя и завершаются суждением общего порядка, как бы суммирующим сформулированное на предыдущих листах дневника. Правда, в записи от 16 июля 1916 г. Богословский отметил: «Сегодня исполняется ровно год, как я стал вести эти записи, не пропуская ни одного дня». Но возможно, в этих словах указание на определенные блокноты или на то, что записи впервые оказались столь регулярными – в дневнике 1913 г. пропуск в три дня (между 9 и 13 сентября). Впрочем, это может быть и отражением – не невольным ли? – приемов научной работы автора именно в то время, когда он буквально поденно восстанавливал биографию Петра Великого.

Записи 1919 г. специфического характера, и могли быть сделаны и тогда, когда Богословский перестал следовать обычаю регулярной фиксации впечатлений прошедшего дня. В октябре 1919 г. ученый оказался в санатории, в необычном для себя положении: едва ли не впервые за многие годы лишен был привычной возможности и обязанности работать – писать свои сочинения или читать сочинения других историков и из дома взял книги, по тематике не относящиеся к ведущемуся им изо дня в день исследованию о Петре Первом. К тому же в санатории (точнее сказать, загородном стационаре) историк очутился в обществе незнакомых ранее лиц и в комнате, где обитало еще несколько человек. Обязанный подчиниться «порядку растительно-жвачной жизни», историк решил фиксировать такой образ существования.

⁴ Археографический ежегодник за 2000 год. С. 272, 278.

Если в предположениях о массиве дневниковых записей имеется доля обнадеживающей истины, следует пытаться обнаружить в архивах недошедшие до нас дневниковые записи и найти объяснение тому, почему они оказались не включенными в документацию, предназначенную для передачи на хранение в Исторический музей. Возможно, что записи именно 1915–1917 гг. Богословский поспешил запрятать в архивохранилище Музея с обязательством не вскрывать пакеты с документами без его разрешения в связи с обострением наступления на «спецов» – профессоров истории еще дореволюционного времени. В ту пору, в 1928 г., М. Н. Покровский – глава партийного «исторического фронта» – не раз и писал и говорил о «научном кладбище бывших ординарных, экстраординарных и в особенности заслуженных профессоров», о «запахе тлена, идущем от остатков "школы Ключевского"»⁵. И И. В. Сталин уже инициировал активизацию борьбы с людьми «непролетарской» идеологии и теми, кого до 1917 г. относили к господствовавшим («эксплуататорским») классам, объявляли в массе своей «лишенцами», т. е. лишенными избирательных и других гражданских прав. А именно в записях 1916 и особенно 1917 гг. явственно обнаруживается антиреволюционный настрой автора и откровенно негативные характеристики большевиков и их лидеров⁶.

Пока неясно, вел ли Богословский дневник с намерением использовать его в дальнейшем в работе над мемуарами. Совершенно очевидно, однако, что он рассчитывал на ознакомление впоследствии с этими записями сына. 27 ноября 1915 г., сообщив о покупке ему подарка – «печаточки», замечает: «Радость необычайная, когда он ее получил», и затем такой текст: «Милый мой "Каплюшечка", если будешь читать эти строки, вспомни, как я любил тебя!». Наличие небольшой правки позволяет полагать, что автор считал важным отражение непосредственных ощущений и возникавших тогда соображений с возможной точностью, также как и уточнение примет описываемого момента, тем самым облегчая понимание текста и использование его в дальнейшем – и показательно, что правка вносилась преимущественно в «строки» рассуждений и оценочных характеристик.

Это обуславливает еще большее доверие к дневниковым записям историка тех, кто будет обращаться к ним при комментировании других документальных публикаций об этих периодах истории Москвы и России, и развития исторической науки.

* * *

Знакомясь с дневником историка, убеждаемся в том, что в основе запечатлеваемого в каждодневных записях – исторический контекст (если исходить из основного смысла латинского слова *contextus* – сплетение, соединение): ко многим явлениям настоящего Богословский подходит со сложившимися уже представлениями о ходе, особенностях и конкретных чертах исторического процесса, а представления о прошлом углубляются наблюдениями о взаимосвязи с современностью. Это заметно и в отборе отмечаемых и характеризуемых явлений прошедшего дня, и в широком социолого-философском подходе к другим явлениям. Наблюдаемое Богословским обретает под его пером исторические приметы, начинает восприниматься как источник познания описываемого им времени, его своеобразия, типологии.

Для восприятия и оценки Богословским происходящего в современной России характерны (особенно, если явление большой значимости) исторические аналогии, ассоциации, сопоставления, сравнения. Причем не только из русской истории (из периодов которой исто-

⁵ Подробнее см.: Шмидт С. О. Доклад С. Ф. Платонова о Н. М. Карамзине 1926 г. и противостояние историков // Археологический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 66–68.

⁶ Оставшиеся дома дневниковые записи за другие годы могли быть и уничтожены или переданы вдовой историка другим лицам, когда с конца 1929 г. начались аресты историков из ближайшего окружения Богословского (не раз упомянутых и в публикуемых дневниковых записях). Возможно, все-таки что-то уцелело и, лишенное опознавательных данных, осталось невыявленным и потому не атрибутированным в архивных материалах родных и знакомых Богословских?

рик чаще всего вспоминает о «Смутном времени» начала XVII в.), но и из всемирной истории (античности и раннего средневековья, реформации в Германии, Английской революции XVII в., Французской революции конца XVIII в., политических переворотов в Западной Европе конца XVII – первой половины XIX вв.). Подобные реминисценции объясняются и тем, что Богословский полагал, что «в истории основное бывает сходно с различиями в частностях» (запись 29 октября 1917 г.).

4 января 1917 г. у прозорливого историка уже возникли ассоциации с событиями, предшествовавшими свержению короля Карла I: «Происходит нечто подобное тому, что Англия переживала во второй четверти XVII в., когда все общество было охвачено религиозной манией. С тою разницей, что у нас мания политическая. Там говорили тексты из Библии и пели гнусавыми голосами псалмы. У нас вместо текстов и псалмов – политические резолюции об ответственном министерстве и политические клеветы, высказываемые гнусными голосами, и надежды на переворот, с близорукими взорами в будущее...» (подчеркнутые слова написаны над строкой – показатель редактирования текста – вероятно, сразу или вскоре после написания, чтобы уточнить формулировку, характеризующую позицию автора, и совершенствовать литературную стилистику записи). И вслед за этим выразительное суждение: «Не понимают, что революции в цивилизованных странах проходят по-цивилизованному, как в 1688 г. (в Англии. – С. Ш.) и 1830 (во Францию – С. Ш.). А ведь у нас политическая революция, как в 1905, повлечет за собой экспроприации, разбои и грабежи, потому что мы еще не цивилизованная страна, а казацкий круг Разина и Пугачева. У нас и революция возможна только в формах Разиновщины и Пугачевщины».

4 марта, под первым впечатлением об отречении царя, взволнованная запись о будущем России, исходя именно из историко-географического контекста: «...неотвязчивая тяжелая дума о будущем России все время владела мною и давила меня. Чувствовалось, что что-то давнее, историческое, крупное, умерло безвозвратно. Тревожные мысли приходят и о внешней опасности, грозящей в то время, как мы будем перестраиваться... как бы нам не оказаться не великой, а второстепенной державой, слабой республикой между двумя военными империями германской и японской. К чему приводили перестройки государства по теориям, мы видим по примеру Франции в течение XIX века. Не дай нам боже только последовать примеру польской республики!».

А 5 марта, исходя из общих представлений, основанных на осмыслении опыта всемирной истории, Богословский провидчески предположил: «Мне думается, что течение пройдет теперь по гегелевской схеме, т. е. после тезиса (старая монархия) наступит антитезис (республика) и только уже потом, когда антитезис себя исчерпает до дна, наступит синтез. Посмотрим». Богословский действительно смог «посмотреть», дожив до зловещего в советской истории года «великого перелома».

Историк почти сразу же после Февральской революции уразумел ее особую историческую значимость и предсказал грандиозность последствий. 8 марта 1917 г. он записал: «Переворот наш – не политический только, не революция июльская или февральская. (Имеются в виду революции во Франции, точнее даже в Париже, в июле 1830 г., когда свергли Бурбонов – короля Карла X, и февраля 1848 г., когда свергли короля Луи-Филиппа. – С. Ш.) Он захватит и потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформацию». И далее с тревогой и самоубеждающей надеждой о едва ли не самом заветном для историка: «В частности наша русская история испытает толчок особенно сильно: новые современные вопросы пробудят новые интересы и при изучении прошлого, изменятся точки зрения, долго внимание будет привлекаться тем, что выдвинулось теперь, будут изучаться с особенным напряжением революционные движения в прошлом. Положительное, что сделано монархией, отступит на второй план. Надолго исчезнет спокойствие тона и беспристрастие. Разумеется, со временем все войдет в свое спокойное русло, но

вопрос, как долго ждать этого. Наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколеблешь общественным движением. Наука – одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря». (Цитата эта справедливо приведена как итоговая в статье Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой, пораженных «провидческим даром» Богословского⁷.)

Ссылки на историю – и российскую, и зарубежную (Франции, Польши, Северной Америки) – и в политологическом рассуждении, завершающемся заключением: «Из абсолютной монархии прямо в "демократическую республику" не прыгают». Запись 27 июля 1917 г. начинается так: «Опыт пережитого выясняет мне с большой убедительностью два заключения. 1) Монархия в России не доделала своего, м. б., жестокого и неблагодарного, но необходимого дела, которое было доделано ею ко времени революции во Франции. Она не закончила еще слияния частей России в одно национальное целое. Части эти только и держались монархом... 2) Русский народ не приобрел еще такого характера, выдержки и развития, чтобы те партии, на какие он теперь распадается по взаимной своей борьбе, могли обойтись без "верховного арбитра", голос которого был бы уже окончательным и безапелляционным...»

Богословский, однако, продолжает еще использовать и терминологию писавших о России зарубежных авторов XVIII, обозначавших термином «революция» переворот 1762 г.: «Революция роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, не вчерашние рабы. Революция 1762 г. была благодетельна потому, что на место дурака посадила замечательную умницу, которая и процарствовала во славу России 34 года (Имеются в виду Петр III и Екатерина II. – С. Ш.). Революция 1917 г. плохой порядок, но все же порядок сменила беспорядком и развалом, и потому может быть для нас гибельна» (12 мая 1917 г.).

А 19 июня фиксирует такое умозаключение: «Был старый, старый сколоченный веками из разных пристроек и частей дом. В последние два века дому старались придать единство фасада. Но фасад не объединил составлявших его частей. Разразилась небывалая в мире гроза, и дом не выдержал, треснул и готов совсем развалиться. Пока он был цел, люди, жившие в нем, чувствовали стыд и уважение к старому дому: когда он стал рассыпаться, исчезла и нравственная сдержка, и обитатели дали волю самым низменным инстинктам. Вот сравнение, пришедшее мне в голову при мысли о том, что творится в России». (Подчеркнутые слова – свидетельство авторского редактирования.)

Знание истории (а также художественной литературы) и личные впечатления («вспоминалось») определяли и представление об «истинной цене» «купецкого либерализма» и о том, что у купечества «с прогрессивными повадками» «та же алчность к наживе, с которой облапошивали и дедушки в смазных сапогах» (записи 27 мая и 6 сентября 1916 г.).

Нередки ассоциации с конкретными событиями и лицами русской истории. 18 июля 1917 г. историк пишет: «Россия в начале XVII в. видала единоличных самозванцев, в начале XX в. увидела самозванцев коллективных и столь же темных. За три века мы не исправились. У нас все то же тяготение к самозванщине».

Богословский замечает схожее в отечественной истории и более нового времени – 8 сентября 1917 г., указывая на удивляющую быстроту изменений в высшем военном руководстве, пишет: «Таких кувырк-коллегий у нас со времен Павла Петровича (т. е. Павла I. — С. Ш.) не бывало». 9 ноября 1916 г. такая запись историка: «Буря против Штюмерера и обвинения его в измене напоминают очень травлю Сперанского в 1812 году. С тою разницею, конечно, что Штюмерер не Сперанский; но основательности в обвинении, вероятно, столько же. В его измену, взяточничество и т. п. я совсем не верю... Бог его знает, кто такой этот Штюмерер, но измена его мне ничем не доказана». И прибавляет к тому соображение, объясняющее противостюмереровский настрой общества: «Неудобно, конечно, ставить во главе правительства теперь человека, носящего немецкую фамилию». Для нашей темы существенно то, что между

⁷ Археографический ежегодник за 2000 год. С. 279.

этими фразами, начинающими и завершающими рассуждение о председателе Совета министров той поры, соображения, объясняющие характерное не только для человеческой природы Богословского, но и его источниковедческих приемов историка: «Есть два способа подходить к неизвестным людям. Первый способ: подлец. Докажи, что это не так. Второй способ: порядочный человек, и только после очень тщательно проверенных и взвешенных доказательств можно изменить мнение и признать его подлецом. Я подхожу к людям по второму способу. Чтобы поверить обвинению, мне нужны обязательные и бесспорные доказательства».

Рассуждая 29 января 1916 г. о Распутине замечает: «...не новое, а давнее сектантское движение, уродливое выражение сильного религиозного чувства, вышедшего за церковную ограду и блуждающего на распутии. Те же явления, что при Александре I в кружке Татариновой, позже в кругу почитательниц Иоанна Кронштадтского, также признававших в нем Бога-Саваофа». К исторической ассоциации обращается Богословский – человек глубокой религиозности и, сетуя о происходивших перемещениях в высшей церковной иерархии – 24 ноября 1915 г. пишет: «...не сами ли эти иерархи своим низкопоклонством и угодливостью довели себя до такого положения, когда обер-прокурор может ими швырять? Когда Синоду предложили поставить в епископы Варнаву, безграмотного человека, почему же Синод, считая его неспособным занимать епископское место, все-таки поставил его и не нашел в себе мужества выступить с возражением? Пришлось бы пострадать, но почему же забыли о митрополите Филиппе (осмелившемся в годы опричнины выступить против царя Ивана Грозного. – С. Ш.)? Вступили в сделку с совестью; поэтому и покатались по наклонной плоскости и теперь пожинают плоды. Иерархи о церкви менее всего думают; главную пружину их деятельности является личное честолюбие: повышение, награды, доходы... Сделались чиновниками, так и подвигайся всем неудобствам судьбы, между прочим и перемещениям».

Об А. Ф. Керенском – 24 июля 1917 г., в описании, как «выходил на три часа в отставку, потом по челобитью всех вновь взял бразды правления», восклицание: «То ли не Борис Годунов». (Это, пожалуй, уже историко-литературная ассоциация, восходящая к пушкинской драме. Не раз цитируются и стихи А. К. Толстого исторической тематики и сатирического жанра.)

Переживая начавшийся распад Российской империи, в связи с «Украинским съездом в Киеве», Богословский восклицает 6 апреля 1917 г., обращаясь к четырехсотлетней теории: «О Русская земля, собранная столькими трудами великорусского племени! Неужели ты начинаешь расплзаться по своим еще не окончательно изгладившимся швам! Неужели нам быть опять Московским государством XVI в.!».

В записи 2 августа 1917 г. параллель уже с историей Западной Европы: «Наши верховоды играют теперь во французскую революцию XVIII в., о которой они кое-что почитали. Но народ наш еще не французы XVIII в., а немцы эпохи Реформации XVI ст., когда, переставая верить в иконы и мощи, выволакивали их из церквей и всячески надругались над ними». Это реакция историка на известие об отправлении царской семьи в Тобольск; и то же в сопоставлении с данными о свергнутых европейских королях нового времени: «Зачем-то понадобилось переводить царскую семью в Тобольск! Ведь это лишнее издевательство в угоду разным советам! Потеряв веру в икону, недостаточно снять ее из переднего угла. Но надо еще надругаться над нею! Вот они, дикари! Почему же Иаков II, Карл X, Людовик Филипп, да и теперь греческий король Константин могли уехать за границу и жить себе там – но это в цивилизованных странах».

Размышляя о событиях в связи с ростом цен, в записи 5 февраля 1917 г., он обращается уже к древней истории, напоминая о том, что происходило тогда перед Пилатом: «Толпа коллективно чувствовать может, а рассуждать нет». А 26 мая 1917 г. после разговора с М. К. Любавским и другими профессорами о «современном положении» и «об ожидающих нас перспективах» допускает сравнение происходившим в период распада Римской империи и образования первых «варварских» государств: «Это прямо какая-то мрачная, потрясающая симфо-

ния. Гибель промышленности, финансовый крах, армия в виде гигантского трупы, сепаратный мир, развал России на отдельные части, возвращение войск при демобилизации, бурное, беспорядочное, стремительное, перед которым побледнеют все ужасы переселения народов и т. д. и т. д.».

При описании явлений бытового обихода у Богословского тоже возникают ассоциации с прошедшим, иногда и о личном памятном – после посещения 27 июля 1917 г. дома сельского священника такая запись об «уютном домике»: «комнаты с чистыми полами, "дорожками" по ним и цветами у окон напомнили мне квартиру Ключевского». (Попович из Пензы, став знаменитым профессором, по-прежнему уютнее себя чувствовал в привычной с детства обстановке, и Богословскому это явно импонировало.) В записи 6 января 1916 г. под впечатлением прогулки в Замоскворечье, когда «видел большую толпу народа на набережных и местах против Кремля в ожидании крестного хода», характерное наблюдение: «В Замоскворечье древнемосковского духа сохранилось больше, чем в других местах. В толпе, к которой я присматривался, много типов – из мелкого торгового люда, которые не ушли еще из XVII века, и если бы их переодеть в платье того времени, совершенно могли бы вдвинуться в толпу XVII столетия, также присутствующую при выходе государя на крещенское водосвятие». А в записи 15 августа 1916 г. о приходе на их дачу вечером «двух баб, продающих кур и масло», отмечено: «поднялся при этом необычайный крик. Вот они "бабы-торговки", о которых писал Петр Великий, предписывая сенаторам вести себя пристойно, не подражая им».

Фиксируются изменения, особо примечательное и для историка, в манере поведения и взаимоотношениях социальных групп (запись 28 сентября 1915 г.: «Маляров удалось достать не без труда. Теперь времена совершенно изменились: не рабочие кланяются господам, а господа рабочим, и кланяются, пожалуй, ниже первых»), в жизненном обеспечении (рост цен, исчезновение продуктов и товаров). Не раз указывается на активизацию евреев в общественной и особенно политической жизни – приходится, к сожалению, признать, что в воззрениях историка была и доля антисемитизма (запись 6 июня 1916 г. и др.), что свойственно было (судя по дневникам московского историка Ю. В. Готье и супруги петроградского историка С. Ф. Платонова), впрочем, и некоторым другим лицам его профессорского круга.

С. В. Бахрушин, вспоминая о Богословском, верно заметил, что он «как художник» «не понимал, не мог понять исторический факт вне живой обстановки, вне того быта, которым он был окружен в действительности»⁸. Но, переносясь мыслью вглубь веков, Богословский учитывал то, что его умственный взор – взгляд человека научной культуры уже XX века, чего-то уже не способного понять в прошлом, и в то же время усматривающего то, о чем (или о наименовании чего) не подозревали современники изучаемых исторических явлений. И как раз в связи с докладом именно Бахрушина об Остяцком княжестве XVII в. сформулировал в записи 18 ноября 1916 г. тонкие источниковедческие наблюдения: «Явления первобытной культуры надо изучать методами этнологии», но «рассматривать их для XVII в., приходится через бумаги Сибирского приказа, следовательно, сквозь призму изображения наших подьячих XVII в., едва ли подготовленных для этнологических изысканий».

В записях иногда прослеживается, как частное наблюдение подводит к предположению, даже выводу общего характера: так, убедившись в том, что проходившее под председательством великого князя Николая Михайловича заседание Русского исторического общества (на которое его и Любавского пригласили специально приехать), «ни к чему, конечно не придя, было закрыто» и «все это было так беспорядочно», Богословский пишет: «Возможно, что таким же манером идут в разных наших высоких совещаниях и дела большой государственной важности» (запись 24 мая 1916 г.).

⁸ Мельников А. В. Богословский в воспоминаниях современников // Археографический ежегодник за 2000 год. С. 285–286.

Наблюдения Богословского социолого-психологического порядка (если можно так выразиться) – это тоже рассуждения историка, думающего о характерном для народа, прошлое которого изучает: «Душа русская – драгоценность, но оправа в ней дрянь». (Это в записи 2 июля 1916 г. заключительная фраза разговора с деревенскими мальчишками, нарочито злоупотреблявшими в своей речи матерным лексиконом: увещания Богословского они восприняли, к удивлению его, «серьезно».) Выразительна и запись 4 ноября 1917 г. о Москве сразу после Октябрьского переворота, по возвращении с «прогулки по переулкам нашего района», т. е. Пречистенской части: «Много следов от пуль, много разбитых стекол. Есть дома, где почти все стекла выбиты и повреждены снарядами стены. Какое варварство, какое дикое преступление!» И вслед за тем умозаключение-восклицание общего порядка и наблюдение над местными жителями: «Глубина русского дикаря, кто изведает тебя! Встречались обыватели интеллигентного вида унылые, испуганные, хмурого вида люди с поникшими головами». Знаменитый юрист Н. В. Давыдов, близкий знакомый Л. Н. Толстого, и один из кумиров московской интеллигенции рубежа XIX и XX столетий, в мемуарах своих характеризовал именно район переулков Приарбатя (т. е. Пречистенской и Арбатской частей) как «средоточие московской интеллигентской обывательщины»⁹. Ее-то внешний облик в те дни и запечатлен в дневнике Богословского.

Наблюдение над явлениями современности побуждает историка формулировать соображения историко-психологического плана, даже источниковедческого. Записывая в Сергиеве Посаде 12 сентября 1916 г. рассказанное там его другом и коллегой по преподаванию в Московской духовной академии профессором И. В. Поповым, историк замечает: «Он мне передал красивую легенду, возникшую в Посаде по поводу пожара в Троицком соборе. В соборе 13 августа ночью затлелась вата в ризе преп. Сергия. И вот пошли рассказы о том, что некоторые видели как преп. Сергей ушел из собора и монастыря. Не иссякает народное творчество в области легенд». И далее о разговорах с местными крестьянами: «С большим трудом стоило мне расспросить этого очевидца... о происшествии: он все сбивался на разные вводные, побочные рассказы, и это не в нем одном. То же и у матроса на пристани... – все какие-то окопесы». И вслед за этим предположение ученого: «Русский человек не привык ходить прямою шоссею дорогою, за ее неимением, а все пробирается окопесными проселками, оттого и не скажет никогда ничего прямо». Показательны и соображения, возникшие в связи с отъездом его жены 6 августа 1917 г. с дачи в ближний к ней город Рыбинск посмотреть на выборы в городскую думу: «Объекты женского любопытства меняются, но существо остается тем же: прежде ходили "посмотреть" на чужую свадьбу, теперь мода на политику, значит, надо смотреть на выборы». Или наблюдение, важное в плане размышлений историка, занятого написанием именно биографии: «Люди в очень зрелых годах остаются такими же, какими приходилось знать их на школьной скамье». (Запись 23 июля 1916 г. о малодостойном поведении видного политика В. А. Маклакова, с которым учился в одной гимназии.)

Богословского о многом побуждают задуматься и возникшие сразу после Февральской революции соображения, тоже основывающиеся на опыте наблюдений историка – 24 марта 1917 г. он записал: «Есть люди, для которых революционная деятельность была приятна своею таинственностью и опасностью. Как же они теперь будут себя чувствовать? Чем займутся, раз уже ни подпольной, ни опасной деятельности не будет? А между тем, этот род людей едва ли сразу исчезнет; он нарождался столетием».

Вероятно, дневниковые записи историка будут использовать в этой связи преимущественно в трудах по общественно-политической истории. Однако там немало – и именно в данном контексте – небезынтересного в плане развития культуры и науки. Для Богословского сильным переживанием стал урон, наносимый дорогим ему традициям русской культуры, ее

⁹ Шмидт С. О. Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив. Вып. 1. М., 1997. С. 31.

православным основам и русскому языку. Он опасался последствий изменений в привычном бытовом обиходе.

После осмотра наследственной усадьбы Теляковских 23 июня 1917 г. записал: «Сколько вкуса, тонкого и изящного! И неужели все эти уголки теперь должны исчезнуть перед пропотелым "спижаком" товарища Семена и все должно быть заплевано подсолнечной скорлупой». Еще ранее под впечатлением поездки на пароходе на дачу под Рыбинском 6 июня писал о «подсолнухах, в колоссальных размерах поедаемых нашей демократией, загрязняющей их скорлупой все места, где она находится. При грызении подсолнухов выражение лица делается необычайно тупым и бессмысленным, а челюсти в непрерывном движении и работе. В зерне подсолнуха должно быть зерно нашей "свободы"». И под впечатлением от усадьбы Теляковских социологического плана соображение: «У барина в усадьбе, у священника в его домике, у мужика в его избе есть своя ему именно свойственная и им созданная обстановка, его именно отражающая. А "товарищ" в этом отношении ничего пока не создал».

Не раз повторяются свидетельства устойчивости историко-эстетических (если можно так выразиться) предпочтений Богословского – когда он пишет о красоте и смысле церковного пения, особом душевном настрое, возникающем в небольших малолюдных храмах, о прелести «нестеровского» пейзажа подле Сергиева Посада и «всей красоте верхней, чисто великорусской Волги с ее тихими берегами, с белыми церквями, расположившимися на берегах сел» (запись 28 мая 1917 г.). Или об очаровании старинных дворянских усадеб – 16 сентября 1916 г., купив книгу графа П. С. Шереметева о подмосковных Вяземах, написал: «К таким изданиям я равнодушен, как и к самим этим усадьбам. Хорошо, что принялись теперь за их описание: скоро на месте этих садов и парков, возбуждавших у лучших наших поэтов их поэтические вдохновения, появятся салотопенные и иные всякие заводы».

А в записях уже осени 1919 г. (которые вел «на тумбочке у постели», что разъясняется автором – «записываю коекак и далеко не все, что хотелось занести») подчеркивается и историческая основа эстетическо-этических пристрастий: в записи, сделанной в воскресенье 3 ноября, читаем: «В церкви темно, только мерцание немногих лампад и свечей. Какая дивная поэзия в этом предрассветном богослужении и в этом возгласе "Слава Тебе, показавшему нам свет", когда действительно свет показывается. Высокие сущности, вечные и незыблемые, – человечество облакает в различные, меняющиеся, но всегда поэтические формы. Это и есть поэзия религии. В поэзии нашей религии меня привлекает ее красота и ее древность. Последняя связует поколения. То, что мы теперь видим и слышим, в храме видели и слышали наши предки XVII, XVI [веков] и еще более далекие предки».

Богословского коробила «порча русского языка в устах ученых». Это отметил даже, описывая докторский диспут семейно близкого ему Д. Н. Егорова 28 февраля 1916 г. и привел как примеры: «некоторые крылатые слова... показывающие» это: «"инфериорная масса" вместо "низший слой населения", "дорога хорошей обстроенности и большой протяженности", "засвидетельствованность" и т. д. Где ты, язык Тургенева!». 18 августа 1917 г. горестное восклицание о языке СМИ – средств массовой информации (как сказали бы мы сегодня): «Какая масса запошленных выражений наполняет теперь газетные столбцы и как быстро благодаря усиленной всеобщей болтовне испошливается всякое новое выражение!» А 20 октября уже и резкое осуждение: «Господи, на каком безобразном интернациональном воляюке говорят эти товарищи-большевики. Совет рабочих и солд. депутатов начинает издавать "декреты" и выражается так: "Принимая во внимание, что предприниматели, саботируя производство, провоцируют стачки, совет декретирует" и т. д. Что станет с русским языком после таких упражнений. Уже эта одна порча языка есть их великое преступление против России» (подчеркнуто автором).

Дневник показывает широту исторического кругозора Богословского, способность масштабного видения исторического процесса в его развитии и свойственное ему умение выявить

конкретные и исторически типологические приметы и прошлого и настоящего. Вероятно, такой образ мышления делал для него особо привлекательным изучение повседневной истории и ментальности – ив массовой документации, и в бытовом обиходе и выдающихся личностей (по дарованию, положению в обществе или совмещению этого как у Петра I, В. А. Жуковского, В. О. Ключевского и др.), и обычных людей. Помогало Богословскому усмотреть это и в памятниках материальной культуры (что особенно проявилось позднее в его направляющей деятельности в Историческом музее).

Дневник историка Богословского убеждает в том, что нельзя, изучая историю такой сферы науки, как историческая психология, довольствоваться ознакомлением с сочинениями ученых, именуемых психологами, и только тех историков (а также литературоведов, искусствоведов, языковедов), которые сами декларируют, что заняты такой проблематикой. Немало ценного для представлений о сфере исторической психологии и инструментарии историко-психологических наблюдений можно выявить не только у Богословского, но и у других ученых, которых определяют просто как «историки» или «историки культуры», в том числе и у знаменитых предшественников московского профессора – у Н. М. Карамзина, Ф. И. Буслаева, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, В. О. Ключевского, А. П. Щапова.

Е. В. Неберекутина и Т. В. Сафронова справедливо утверждают в своей статье, что для Богословского «наука и научные интересы, работа – главное в жизни». И, действительно, именно об этом больше всего и подчас детализированно написано в дневниках 1915–1917 годов, а также и 1913 г. И потому особенно заметно, как возрастает из месяца в месяц, а затем и изо дня в день внимание историка к вызывающей все большую тревогу общественно-политической ситуации в России.

Богословский сознательно уклонялся от активного участия в общественно-политической жизни, не склонен был к сближению с лицами, находящимися у вершины властной иерархии; он явно неблагоприятно относился к партийной активности других историков, даже относительно близких ему (показательно замечание о стиле выступления на заседании Ученого совета Университета профессора А. А. Кизеветтера, возвращенного к преподаванию там после Февральской революции, видного деятеля кадетской партии – «говорил с митинговыми замашками, без которых, очевидно, уже не может говорить» – запись 27 мая 1917 г.).

Богословский был неустанно и заинтересованно занят научной (или научно-преподавательской) работой, отмечал в дневнике не только дни, но и часы, когда не удавалось отделиться любимому делу. В записи 28 июля 1917 г. соображения более широкого плана: «Для меня большая отрада, что, работая, живу 1697 г. в Голландии, и таким образом хоть на несколько часов в день могу покинуть русскую действительность XX века с ее "товарищами", "эсерами", "линиями поведения" и всем этим прочим словесным навозом и с ее небывалым позором». Схожие формулировки в записях и предшествовавших и последующих дней. 18 июля замечает: «Мысли о событиях, от коих только и отрываешься за работой, когда начинаешь жить в Голландии в 1697 г.». А 2 ноября, т. е. уже после Октябрьского переворота, написал: «Когда работу прекращаешь, смысл бытия теряется».

Запись о происшедшем в этот день начинается словами: «Шестой день сидим в осаде, и этот день под жесточайшим обстрелом». И далее: «совершенно отрезаны от всего мира и ровно ничего не знаем». Но отмечено: «Все утро и до 4 часов я работал над биографией (Петра I. – С. Ш.), занимаясь днем 7 марта 1698». А непосредственно перед фразой, приведенной первой, характерное и в том или ином варианте повторяющееся не раз наблюдение: «Только и отрады, что уйти в прошлое и жить в Лондоне весной 1698 года».

Однако Богословский был не из тех ученых, которые замыкались в своих «научных интересах». Он неустанно думал о современных событиях, волновавших его – особенно переживал, что «из-за внутренних событий» может быть проиграна военная кампания (запись 29 февраля 1917 г. и другие), затем все более о происходящем в самой России. Это очень тревожило Бого-

словского и как знатока истории, опыт которой научил его предвидеть и пагубные для общества последствия творящегося вокруг, и как семьянина, заботящегося о будущем своих близких.

Дневниковые записи, начатые в первом блокноте 16 июля 1915 г., краткие, в одну-две фразы о прошедшем дне. Но уже 19 июля – не о своем лично и семейном: «Годовщина объявления войны. Вспоминались прошлогодние события». И о следующем дне – 20 июля первая фраза: «Лиза (супруга историка Елизавета Петровна. – С. Ш.) от нетерпения получить газеты ездила за ними в Песочное...». Далее записи становятся все пространнее. И акцент на фиксации событий, так сказать, внешнеполитических – положении на фронте – перемещается все в большей мере на внутривнутриполитические. И все это в собственно историческом аспекте.

В записи 24 июля об оставлении Варшавы рассуждение: «Варшава нам за нашу историю ничего кроме зла не приносила и неизвестно, что выйдет из обещанной Польше автономии, может быть, повторение истории 1830 и 1863 годов (т. е. восстаний в Польше. – С. Ш.), но все же жаль отдавать ее немцам. Лично меня гораздо больше тревожат известия в газетах о подступе немцев к Риге и об ее эвакуации. Ригю мы спокойно и беспрепятственно владели с 1710 г. Это – приобретение Петра Великого, и потому должно быть прочно нашим. В такие моменты речи некоторых думских ораторов и необходимости сейчас же проводить реформы местного управления и всякие другие реформы нашей внутренней жизни похожи на разговоры и соображения о перестройках и переделках в горящем доме, когда прежде всего надо заняться тушением пожара». И уже в записи следующего дня 25 июля – соображения социологического и историко-психологического, даже политологического планов: «Не понимаю тех, кто складывают всю вину на управление. Может быть, оно у нас и худо, но потому только, что и вообще мы сами худы. Каждый народ достоин своего управления. Разве мы в своей ежедневной, обыденной жизни умеем так много, так постоянно, точно и отчетливо работать, как иностранцы: французы, немцы, англичане? Мы все делаем кое-как, спустя рукава, смотрим на работу как на досадную помеху и стараемся отбыть ее как попало. Все это наследие у одних бездельного барства, у других принудительного тягла и крепостной неволи. А вся наша безалаберщина! У нас нет двух семей, которые бы обедали и ужинали в одно и то же время, у всех все по-своему и в полном беспорядке. Что же удивительного, что и управление у нас такое же, как мы сами! Ведь оно из нас же самих и пополняется...» (Историк опирался, рассуждая так, и на личные впечатления, так как имел привычку выезжать ненадолго за границу, где и знакомился с памятниками истории и культуры, и наблюдал жизненный обиход различных западноевропейских стран.)

В записи 13 августа 1915 г. еще некоторое недоумение, и вместе с тем характерное для последующего текста дневников совмещение размышлений о современных политических обстоятельствах с экскурсами в прошлое: «Писалась глава о второй поездке Петра на Белое море. Работа не шла: мысль почему-то все направлялась (подчеркнуто мною. – С. Ш.) к городам и территориям, покинутым нашими войсками. Что переживало при этом эвакуируемое и оставшееся население? Мне как-то особенно реально представлялась картина эвакуации Москвы, если бы такая эвакуация случилась, а чего теперь не может случиться! Как уйти из города двухмиллионному населению! Какая была бы сумятица, смута и беспорядок на вокзалах! В 1812 г. дело было гораздо проще: запрягали своих лошадей с обозом, в сопровождении челяди уезжали в свои деревни».

И далее уделяется все большее внимание тому, что происходит в политической жизни страны. А в записи 8 марта 1917 г. буквально крик души: «Мысль идет к текущим, или вернее, к мчащимся событиям, к бурно мчащимся».

11 мая 1917 г. запись: «Государство мне всегда не казалось привлекательным учреждением: всегда я видел в нем необходимое зло. В моем представлении оно неразрывно соединялось с казармой и тюрьмой. Теперь тюрьма раскрыта, казарма пустует или буйствует, и государство обратилось в какой-то грязный трактир...» (Вслед именно за этой записью ранее

цитированная запись следующего дня со сравнением «революции 1762 г.» и «революции 1917 г.».) И уже 22 мая 1917 г. историк формулирует: «Размышлял о наших социалистах, возводящих на престол "пролетариат". Западные специалисты стремятся достигнуть равенства, сравнившись с богатыми людьми, разбогатеи, наши желают равенства, разорив богатых и сведя их на положение пролетариев».

Информацию о современных событиях историк черпал из газет (особенно тех, на которые подписывался – «Русских ведомостей» и «Русского слова»), из разговоров (прежде всего с коллегами, и семейных), из услышанного и увиденного вне дома. Он явно не разбирался в различиях социал-демократических течений, не знал их истории – показательно, что о лидере меньшевиков он пишет 18 июля 1917 г.: «Большевик-писака Мартов (тоже псевдоним, вероятно)...». Но стремился узнать побольше и об этом – в записи 11 мая 1917 г. о разговоре у него дома с А. А. Кизеветтером: «Много говорили о "товарищах", которых он изучил в совершенстве». Не так давно и кадеты казались Богословскому опасно левыми, и 23 августа 1915 г. он констатировал: «Побеждая, мы правеем, терпя неудачи, левеем». С начала 1917 г. все больше пишет о «социалистах».

А в записи 25 октября особо откровенно прорывается у историка то, что он сам обозначает как «здоровое национальное чувство», характерное для его восприятия и русской истории и своих обязанностей определенным образом знакомить с отечественной историей, воспитывать отечественной историей.

В записи за предыдущий день – 24 октября – где отмечено, что в работе «над Петром» «удалось кое-что сделать», описываются заседания факультетское в Университете и в Археологическом обществе памяти ассириолога М. Н. Никольского, где выступали и приехавшие из столицы Н. П. Лихачев и Б. А. Тураев. Можно полагать, что с ними был разговор о событиях в Петрограде (тем более что в последнем абзаце записи за этот день нет обычной ссылки на газеты). Абзац этот начинается так: «В Петрограде явный мятеж гарнизона против правительства, поднимаемый "товарищем" Троцким, выпущенным из заключения под залог и безнаказанно ведущим свое дело. И нет у правительства силы пресечь это беззаконие! Канатный плясун (А. Ф. Керенский. – С. Ш.), ходивший все время на задних лапках перед товарищами, дотанцовывает свои последние дни... Что же это делается с русской землей? И неужели не явится избавитель?».

И вслед за тем едва ли не единственная запись в этом дневниковом массиве об особой актуальности занятий биографией Петра Великого именно в это время и значимости такой работы для развития исторического знания и общественного самосознания россиян в будущем. Приведем полностью начальную часть записи 25 октября. «Среда. Утро за работой над Петром. Биография Петра получает для меня новый смысл: в то время, когда мы так позорно отдаем все то, что при нем приобреталось с таким упорным трудом и с такими потерями, отрадно остановиться на этих славных страницах нашего прошлого, когда Россия проявляла в Петре свою бодрость, энергию и мощь. Это была не дряблая, гнилая, пораженная неврастением и разваливающаяся Россия, которую мы теперь видим. Может быть, если моя работа когда-либо увидит свет, она будет небесполезна в годину унижения и бед, показывая нашу славу в прошлом. Может быть, она поспособствует нашему возрождению, внеся в него крупицу здорового национального чувства. Но это, конечно, мечты» (подчеркнуто мною. – С. Ш.). Знаменательно, что такое именно признание, по существу предопределившее и объясняющее позицию Богословского-историка в последующие годы советской власти, сделано было именно в день Октябрьского переворота, когда ученый осознал уже масштаб и направленность происшедшего в столице, и возможные последствия этого для России (ибо прямо вслед затем написано: «События в Петрограде развертываются. Восстание началось открыто...»).

Дневниковые записи Богословского за 1916 год и особенно за 1917 г. становятся уникальным историческим источником, позволяющим проследить в развитии, причем буквально

изо дня в день, общественно-политические настроения московской элитарной интеллигенции с обострением революционной ситуации. Запечатлены слова и мысли и видных тогда политических деятелей (не только Москвы, но и Петрограда), не выявленные пока в других исторических источниках. Изучение этих ценных данных должно стать темой специального исследования. И можно не сомневаться в том, что цитаты из публикуемого дневника окажутся в разнообразном жанре сочинениях о России и особенно Москве в революционном 1917 году.

Это – дневник не столько историографа, желающего, чтобы составилось определенное представление о нем как видном историке своего времени, а историка, более всего заинтересованного в том, чтобы сохранилось объективное представление о времени его жизни, о России этих лет.

* * *

Конечно, дневниковые записи Богословского содержат информацию, важную для занимающихся проблемами историографии. И тут тоже обнаруживаются поразительные конкретность и ясность исторического мышления, умение обозначить приметные детали явления и на основании этого создать цельный и значимый образ его.

Предмет историографии предопределяет многообразие задач и интересов историографа. Это – и изучение накопления знаний, а следовательно, и освоения исторических источников, расширения источниковой базы историка; изучение развития методике источниковедческого исследования; изучение развития исторической мысли, т. е. осмысления исторического процесса в целом и в частности, что включает, естественно, характерные черты проблематики исторических трудов, истолкование исторических явлений, отражение изменений в методологии и методике исследования; история создания и бытования исторических трудов, влияние явлений общественно-политической жизни, науки, культуры на творчество этих лиц; история научных учреждений, учебных заведений и общественных объединений, занятых разработкой вопросов истории и хранилищ памятников истории и культуры; воздействие исторической мысли на общественное сознание¹⁰.

Дневники Богословского – уникальный по богатству резервуар разнообразной историографической информации. Там множество конкретных фактов и имен, суждений, существенных для историографа, и наблюдения более общего характера. И если в соображениях такого рода собственно исторических Богословский опирается на обширные познания о прошлом и опыт осмысления и изложения хода истории в своей профессорской деятельности, то соображения историографического плана свидетельствуют о всесторонней эрудиции в сфере научной литературы – и предшествовавшего времени, и новейшей – и об опыте размышлений и о приемах и результативности труда и исследователя, и преподавателя.

Богословский – убежденный сторонник крепкой организации властвования, консерватор в своих понятиях о жизненном укладе (и в бытовом обиходе, и в государственном масштабе), был поборником новаторства в сфере научной работы – и исследовательской, и преподавательской. Однако новаторства основательного, опирающегося на овладение приемами «ремесла» историка, серьезную источниковую базу и являющегося результатом больших трудовых усилий.

Главным своим делом историка в те годы Богословский считал создание «Петриады» (как он, используя литературный шаблон XVIII века, называл иногда готовящуюся фундаментальную биографию Петра Великого). Богословский занят был «Петриадой», неустанно работал в охотку, но, видимо, далеко не все получалось при писании с первого раза – 1 июня 1916 г.,

¹⁰ Шмидт С. О. Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. Т. 8 (126). М., 2005. С. 301–302.

переехав на дачу и вернувшись к прерванной работе, заметил: «Трудно заводить эту машину после перерыва. Пришлось многое перечеркнуть и переделать». Ученый сетовал на то, что вряд ли хватит сил и времени завершить задуманный труд и приходится отвлекаться другой работой. Об этом много в записях разных месяцев: 17 февраля 1916 г. записывал: «Занимался очень интенсивно Петром... Наконец-то дорвался до возможности заниматься наиболее интересным для меня делом»; 3 марта 1916 г. запись: «Наконец, я вернулся к Петру. И, как всегда при таких возвращениях, разводить остывшие котлы и приводить в ход остановившуюся машину бывает нелегко». А уже 28 апреля того же года отмечает: «Началась моя страда – чтение кандидатских академических сочинений (т. е. сочинений выпускников Московской духовной академии. – С. Ш.) с горьким сожалением о необходимости на некоторое время прервать работу над Петром». Схожие формулировки повторяются не раз. В записи 23 ноября 1916 г. даже такой возглас: «...главное, досадно отрываться от Петра. На каждом шагу препятствия для работы! Хорошо бы уйти в какую-нибудь келью и работать над биографией в иноческом затворе».

На самом же деле Богословский не мог ограничиться занятиями своей «Петриадой». И отнюдь не потому только, что обязан был, как ответственный и заботливый глава семьи, обеспечивать ее материально. Историк ощущал потребность в атмосфере общей научной жизни – в общении с коллегами-профессорами и теми, в ком видел «будущих профессоров», в знакомлении с широким кругом научной проблематики, не мог сосредоточиваться надолго лишь на определенной исторической тематике. Широта научных интересов, отзывчивость на новую мысль в основе его творческой натуры. Не способен он был и оставаться безучастным к происходившему в общественно-политической жизни. Человек большого ума и редкостной исторической памяти, Богословский был человеком искренней религиозности и большой души с внутренним убеждением в своей обязанности общественного служения. Высокое чувство собственного достоинства, врожденные доброта и деликатность не позволяли ему делать что-либо без должной ответственности, кое-как, и уклоняться от ожидаемого от профессора, и в то же время побуждали его к прямоте в выражении своего мнения (и публично, и в дневнике), даже если оно не во всем благоприятно и о близких и симпатичных ему историках своего же круга.

В записях подкупает столь нечастая в среде так называемой «творческой интеллигенции» способность радоваться чужим достижениям, вхождению в клан ученых молодых и многообещающих. Не только нет проявлений завистливости, но даже, так сказать, местнических понятий и, соответственно, ощущения что в чем-то обойден и недооценивают твои заслуги. При этом сам Богословский замечает это в поведении даже особо уважаемых им коллег – в этом плане любопытно написанное о С. Ф. Платонове, которого не включили в Особую комиссию Русского исторического общества, организованную для празднования юбилея Александра II: в описании заседания Общества: «с этой минуты лицо Платонова приняло насмешливо-скептическое выражение, хранившееся им до конца заседания» – запись 24 мая 1916 г.; о том, что Платонов «очень уязвлен» этим (и, видимо, шел разговор на такую тему при посещении квартиры Платоновых им и Любавским) – в записи 25 мая. В записях Богословского не заметно ни мелочной обидчивости, ни выпячивания своей роли, и, конечно же, ни чванства, ни злорадства.

В описании проявлений благодарственного отношения к нему студентов и особо уважаемого коллег-профессоров весной 1917 г., когда Богословского временно «отрезали» (по его определению) от Университета, обнаруживается не только душевная растроганность, но и некоторое недоумение. Правда, в записи 26 апреля, на следующий день после избрания Богословского снова профессором, причем единогласно (а это – как отметил 25 апреля – «случай редкостный»), с некоторой горечью зафиксировано: «В газетах ни звука о вчерашнем факультетском избрании. Мне всегда удивительно несчастливо на газетные известия. Редко когда какое-либо из моих выступлений отмечалось. Так и теперь. Об увольнении моем было сообщено несколько раз; а о единогласном избрании не сообщается».

Отсутствует и самолюбование, хотя и ощущается потребность подчеркнуть правильность своего поведения в случае, когда в обществе не установилось общепринятого мнения – так, 12 марта 1917 г., после того как он и другие профессора, назначенные после 1905 г., были уволены из Университета, коллегам, собравшимся для редактирования «Исторических известий», счел нужным заявить: «... совесть моя чиста и ни в чем меня не упрекает. В 1911 г. я остался в Университете, потому что считал уход совершенно неправильным и прямо не мог уйти: я поступил бы, если бы ушел, против совести», и тем самым, заняв кафедру, «сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В. О. Ключевского, сберег (это слово написано вместо зачеркнутого «сохранил». – С. Ш.) их в чистоте и этим имею право гордиться».

Редкостно работоспособный историк с подлинной ответственностью относился ко всякому исполняемому им делу и не склонен был лишь «значиться» занимающим какое-либо видное положение. Показательна запись 16 февраля 1916 г. о предложении возглавить Археологическую комиссию при Археологическом обществе: «... наотрез отказался, сославшись на множество и тяжесть дел, когда сказали, что я могу и не действовать активно, а нужно – имя, я ответил, что иконой мне быть еще рано и что я должен еще работать».

Выявленные А. В. Мельниковым воспоминания об историке теперь можно рассматривать в контексте с его дневниковыми записями, и становится еще более понятным, что особое уважение вызывали и притягивали к Богословскому не только его эрудиция, научная одаренность, занимаемое им положение в мире науки и в московском обществе, но и привлекательные достоинства его личности.

Записи Богословского очень информативны, но обычно немногословны, без претензий на эффектную красоту. Здесь те же отмеченные академиком С. Ф. Платоновым в некрологе Богословского «свойства простоты и безыскусственности, которые так талантливо сказывались в его ученых произведениях»¹¹. Во всем скромность и внутреннее достоинство.

В Дневнике немало наблюдений, помогающих составить представление о видных деятелях науки и политиках той поры, особенно о манере поведения, стиле речи его коллег по преподаванию (иногда и малоприятных для них). Подмечал Богословский и ценил и остроумие собеседников (а также и выступавших с докладами и в прениях). И особо понравившееся записывал для памяти – 4 октября 1917 г. профессор философии Л. М. Лопатин при встрече с тонким остроумием сказал: «Я и не думал, чтобы русский народ был до такой степени монархичен. Как только монарха не стало – всякий образ и подобие потеряли!» (подчеркнуто автором).

Научные заседания, защиты диссертаций – явно интересовавшая его сфера жизни. Историк готовился к ним, знакомясь с новой литературой по теме и перечитывая ранее известную ему. Для него праздником становились особенно удачные заседания, доклады, и, сдержанный обычно в выражении своих чувств, он эмоционально передавал впечатления. Особенно если открывал для себя даровитость молодых ученых. Даже в волнуемое политическими обстоятельствами время, когда доклад В. Ф. Ржиги о Максиме Греке оказался «очень интересен и подал повод к оживленным прениям», написал: «Мы все оживились в возникшем споре, и заседание надо признать на редкость удачным» (запись 5 октября 1917 г.). Вероятно, небезлюбопытно было бы проследить, что и в какой связи Богословский писал о своих современниках, вызывающих и поныне интерес историков.

Богословский скуп на пространные характеристики каких-либо лиц, но обычно указывает на черту, во многом определяющую существеннейшее в человеке. Так, он написал о М. К. Любавском, отметив, что тот «сделал весьма здравую характеристику» историка В. И. Герье: «У Любавского вообще много здравого великорусского смысла, и это лучшее свойство его ума» (запись 3 декабря 1915 г.). И Богословского корбило то, что на заседании памяти ака-

¹¹ С. Ф. Платонов. Неизданный некролог М. М. Богословскому (Публ. А. В. Мельникова) // Археологический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 389..

демика Е. Ф. Корша «был обрисован Корш – лингвист, ориенталист, знаток литературы, классик и т. д. Но совершенно остался не изображенным Корш как цельная личность: и отдельные характеристики остались не только не объединенными, но и не связанными» (запись 17 февраля 1916 г.). Сам Богословский сумел, узнав о кончине профессора Московской духовной академии историка церкви С. И. Смирнова, дать емкую характеристику и личности покойного, и значения такой утраты: «Ушла научная сила из Академии, редкая среди того хлама, который ее наполняет. Честный, прямой и добрый человек, талантливый труженик и строгой хранитель традиций, оставленных его учителями Голубинским и Ключевским» (запись 6 июля 1917 г.).

Известно, что у Богословского установились дружественно-доверительные отношения в 1920-е гг. с академиком С. Ф. Платоновым. В наибольшей мере благодаря Платонову он стал 4 декабря 1920 г. членом-корреспондентом Академии наук и уже через четыре месяца, 2 апреля 1921 г., академиком. Платонов, приезжая в Москву, стал останавливаться у Богословских, а Богословский, оказываясь в Петрограде-Ленинграде, – в квартире Платоновых. О близости двух самых выдающихся в те годы историков России свидетельствует их переписка (более пятисот писем), некролог, написанный Платоновым, даже следственное дело Платонова (1930–1931 гг.)¹². Такое сближение закрепилось в послереволюционные годы, но дневник Богословского помогает уяснить предпосылки этой редкостной дружбы. В 1911 г. Богословский не оказался еще в ряду московских историков, принявших участие в сборнике к юбилею Платонова, подобно ученым его круга С. Б. Веселовскому, Ю. В. Готье, М. К. Любавскому, А. И. Яковлеву. В дневнике 1915–1917 г. о Платонове упоминается чаще, чем о ком-либо из иногородних историков, и неизменно уважительно – и о встречах в Москве и Петрограде, и об общественном настрое Платонова, и о письмах к нему и его. Показательно и то, что зафиксировано о разговоре при посещении в Петрограде академика А. С. Лаппо-Данилевского с хозяином квартиры и тоже пришедшим к нему членом Государственного совета бароном Икскуль-фон-Гильденбандтом: «Досталось также и Платонову; но так как я при попытке его бранить хранил упорное молчание, то выпады против него не были продолжительны» (запись 25 мая 1916 г.). Выразительно оценочного характера запись 19 января 1916 г.: «Получил открытку от С. Ф. Платонова в ответ на посланный ему оттиск статьи о Судебнике: „Многоуважаемого М. М. очень благодарит за присылку ему статьи об Устьянском кодексе преданный ему С. Ф. Платонов“. Последними словами об „Устьянском кодексе“ дается мне понять, что прочел статью. Какая завидная вежливость и какая тонкость!» (В статье 1915 г. «Еще к вопросу о Судебнике 1589 г.» Богословский обосновывал мысль о составлении его в Устьянских волостях и отражении в нем правовых норм Северного Поморья.)

Думается, что не только печатные труды Платонова, но и его устная речь соответствовали представлениям Богословского о талантливом ученом: «Признак таланта – умение изложить самую сложную вещь в самой простой и ясной форме» (Это написано Богословским 13 декабря 1915 г. после того, как математик, профессор Университета П. К. Млодзеевский «изложил» ему одну из теорий высшей математики «с большим воодушевлением... замечательно просто, ясно и красиво»).

Сопоставляя дневниковые записи Богословского с письмами Платонова (опубликованными в первом томе издания «Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками», вышедшем в 2003 г., и с подготовленной к печати перепиской Платонова с Богословским и А. И. Яковлевым для второго тома этого издания), обнаруживаем несомненную близость суждений и вкусов обоих историков и в сфере исторической науки и преподавания в высшей и средней школе, и в общественно-политических воззрениях, даже, если можно так выразиться, в историко-культурных пристрастиях: в любви к облику старинных древнерусских городов, к усадебной культуре дворянских гнезд. Обоим свойственно и возрастающее с годами преклонение

¹² Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб, 1993.

перед Пушкиным – об этом и в дневнике, в записи 13 января 1917: «Вечером читал Мине "Капитанскую дочку" с величайшим наслаждением. Чем больше и больше читаешь Пушкина, тем больше удивляешься колоссальности этого дарования. На закате жизни он еще более нравится, чем в юности». Эта мысль будет повторена в 1920-е гг. Поздравляя Платонова с тем, что он стал во главе Пушкинского дома, Богословский писал ему 6 марта 1924 г.: «...С каждым годом жизни все более и более люблю Пушкина и все пушкинское. Отдыхая у Вас (т. е. в квартире Платонова. – С. Ш.) с величайшим наслаждением перечитал некоторые его стихи, найдя в них все новые и новые красоты, прежде не замеченные, потому ли, что их пропускал случайно или потому, что для каждого возраста в нем открываются свои красоты, не заметные для возраста более молодого»¹³. Платонов же во второй половине 1920-х гг. не только способствовал изданию пушкинского наследия, но и напечатал статью «Пушкин и Крым» и книжку краеведческого уклона «Далекое прошлое Пушкинского уголка, Исторический очерк». Богословского интересовало и восприятие Пушкина в прошлом: 25 сентября 1915 г. отмечено, что вечером читал с А. П. Басистовым письмо о Пушкинских торжествах 1880 г. (Друг его юности, Басистов, был сыном видного педагога, члена комитета по организации пушкинского праздника в Москве в связи с открытием памятника.)

Богословский испытывал потребность знакомиться с новейшей литературой и не только по отечественной истории, но и всеобщей, а по тематике, близкой к его профессорским занятиям, считал своим долгом. Полагал нужным обратиться и к литературе прежних лет, если в свое время не сделал этого.

Богословский почти всякий раз указывал, что читал в вечерние часы – чаще всего это была новейшая научная литература. Характеристики и оценки прочитанного обычно лапидарны: больше о произведенном впечатлении, причем почти в одинаковых выражениях в дневниках 1915–1917 гг. и 1919 г. Но иногда, зафиксировав первое впечатление, возвращался к характеристике той же книги, уточняя ее: подчас усиливая негативное в оценке или, напротив, выявляя привлекательное, свежее, ранее им не отмеченное.

Любопытны суждения о книге М. Н. Покровского «Очерки истории русской культуры» (том первый куплен был им 24 октября 1915 г., что отмечено в Дневнике). Богословский одновременно с ним обучался у В. О. Ключевского, посещал домашние семинарии профессора всеобщей истории П. Г. Виноградова. В записи 14 ноября: «Вечер за книгой М. Н. Покровского... где много остроумия, знания, легкомыслия и марксистского схематизма». 16 ноября – о Покровском: «распластывается в ней по заранее заготовленным шаблонам, весьма банальным»; а в записи 19 ноября как бы суммирующее заключение: «...все оригинальное и индивидуальное: люди, события и идеи – стерто, и показываются только одноцветные, одинаковые для всех времен и народов классовые шаблоны». Тут явное противопоставление приемов подхода к историческому материалу и толкованию его – конкретно-исторического метода Богословского, устанавливающего в каждом историческом явлении и общее и особое, индивидуальное, и ищущего тому объяснения, и схематизма методики Покровского, достигшего в советские годы уже вершин вульгарного социологизма с примесью дешевого политиканства в книгах «Русская история в самом сжатом очерке» и в лекциях «Борьба классов и русская историческая наука», вышедших отдельной книгой в 1923 г.

Богословский строго судил сочинения и манеру поведения и близко знакомых ему историков из постоянного круга своего общения. Так, о труде С. Б. Веселовского в двух томах «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства» отзывался «с досадой»: «...И во II томе он то же, что и в первом. Из-за мелочей нет представления о главном, из-за деревьев не видно леса. Умеет изображать только приказное делопроизводство и не способен на более широкий размах. Нет полета мысли, копается в

¹³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585 (С. Ф. Платонова). Оп. 1. Д. 2324. Л. 5–6 об.

скрепах и справках...» (запись 28 июля 1916 г.). На следующий день, 29 июля: «Прочел 5 листов Веселовского, все более убеждаясь в том, что не способен к конструкции книги. Его книга – это комментарий к трем томам Актов писцового дела, не Акты – приложение к книге, а книга – комментарий к Актам» (имеется в виду издание «Акты писцового дела Московского государства для истории землеустройства и прямого обложения в Московском государстве 1587–1649»). 7 августа снова запись: «Я кончил чтение книги Веселовского. Заключительная глава, которая должна бы, подводя итоги, давать резюме, вкратце излагать всю книгу – образец неясности».

Возвращается – и несколько раз – к книге историка, близкого и по университетскому и по домашнему общению А. И. Яковлева «Приказ сбора ратных людей». Богословский полагал, что Яковлев за свои заслуги и в научной и в преподавательской работе, безусловно, достоин получить докторскую степень, но тема для докторской диссертации выбрана незначительная, особенно для ученого такого дарования. 26 августа 1916 г., «вернувшись в Москву» и застав подаренную ему книгу, написал о ней как о «неоконченной». 29 августа отмечает: «Начал читать диссертацию Яковлева, и она стала меня подкупать рассыпанными там блестками таланта». 2 сентября передает разговор с зашедшим к нему Ю. В. Готье об этой диссертации: «Вот пример губительного влияния Веселовского на Яковлева. Ну стоило ли тратить столько времени и сил на этот ничтожный Приказ сбора ратных людей, о котором написана его диссертация! Ведь это предмет для небольшой статьи – не более того». 24 сентября по прочтении книги Р. Ю. Виппера «История Греции»: «Приветствую такую книгу общего характера, на которой отдыхаешь после чтения специальных монографий». И уже непосредственно о книге Яковлева «Прекрасная вылитая по последнему слову артиллерийского искусства пушка, скорострельная и сложная, палит по ничтожному воробью. Бывают покушения на хорошие цели с негодными средствами, а здесь покушение с великолепными средствами на ничтожную цель».

Еще жестче и откровеннее оценки трудов более молодых историков. Не раз Богословский выражал недовольство книгой киевского историка А. М. Гневушева о новгородском населении в XV в., по писцовым книгам – «громадный том с таблицами, и таблиц больше, чем текста». Судя по его же записи 28 октября 1916 г., даже «резко несдержанно отозвался о таком способе писания». И именно в этой связи наблюдения историографа о новейших трудах (видимо, не только учеников киевского профессора М. В. Довнар-Запольского, но и некоторых своих младших коллег по Московскому университету): «Во всех этих огромных томах по русской истории редко встретишь не только мысль, но и хоть бы мысленку: все материалы и материалы, мелочь, гробокопательство. Досадно! Маленькая книжка С. М. Соловьева, статья К. С. Аксакова были куда более значительны, чем теперешние фолианты, в которых печатаются груды сырья, по большей части ни на что не нужного». Возможно, в этих словах прорвалась досада Богословского и на самого себя, поскольку он, написав монографического масштаба дипломное сочинение о писцовых книгах, так и не обработал эти материалы хотя бы в статью постановочного плана.

Богословский позволял себе формулировать и очень резкие отзывы, даже о написанном авторами, получившими признание в академических кругах – так, об избранном в 1912 г. членом-корреспондентом Академии наук профессоре Новороссийского университета (в Одессе) И. А. Линниченко написал 20 декабря 1915 г.: «Прочел пошлейшую брошюру, присланную мне Линниченко о Перетятковиче. Нет Гоголя, чтобы изобразить эту провинциальную профессорскую тину». К Линниченко у него было устойчиво негативное отношение, сложившееся еще в студенческие годы, когда ему не понравилась его манера чтения лекций (лекциями по истории Польши «именно учил тому, как не надо читать лекции», писал Богословский 20 октября 1915 г. вспоминая то время).

Чаще всего находим краткие, даже кратчайшие оценочные формулировки: о книге Б. Д. Грекова «Новгородский дом св. Софии. Опыт изучения организации и внутренних отноше-

ний крупной церковной вотчины» – «превосходная книга» (запись 24 мая 1916 г.); о книге И. В. Попова «Личность и учение блаженного Августина» – «книга, которую читаю с наслаждением» (запись 18 мая 1917 г.); об оттиске статьи А. Н. Савина «Два манора», «превосходно, точно, ясно и красиво написанной» (запись 19 апреля 1916 г.). 20 августа 1916 г. написал о чтении «очень интересной книги»

Н. А. Скворцова «Археология и топография Москвы». Этот изданный в 1913 г. курс лекций. Богословский взял с собой на время летнего отпуска, вероятно, в связи с написанием биографии Петра I. Число подобных примеров можно и умножить.

Характеризуя и оценивая печатные труды и устные выступления (научные доклады, слово при обсуждении их, лекции), он обращает внимание на систему организации материала (и введения в научный оборот новых данных и приемы обоснования своих выводов) и литературную форму его обработки. Вдумчивый педагог, опытный автор трудов и научно-исследовательских, и научно-популярных, и учебных, Богословский задумывается и над тем, в какой мере автор учитывает возможности восприятия свершенного им читателем (или слушателем – очень часты указания на плохое чтение заранее заготовленных текстов и докладчиками и оппонентами диссертаций). При этом Богословский строг, оценивая и свою деятельность. Написанное Богословским и о других и о себе помогает, конечно, познанию натуры самого автора, его образа мышления и темперамента, его воспитанности, нравственного кодекса.

Богословский понимал, что даровитость, склонность к самостоятельному творчеству проявляются еще в юные годы, и справедливо полагал, что для студента, избравшего научные занятия по призванию, сочинение, тем более дипломное, становится исследовательским трудом на его уровне научной подготовки, накопленных знаний и навыков. Это ясно выражено в его отзывах на сочинения многообещающих учеников, в частности, выпускников Московской духовной академии¹⁴: в дневнике он особо выделяет, надеясь увидеть его оставленным затем при Университете, Б. И. Иванова – автора работы монографического типа о Кирилло-Белозерском монастыре. (Источник невысоко оценивал подготовку и обсуждение научных работ Академии, где все проникнуто «бумажным формализмом» – запись 15 марта 1916 г.)

В дневнике ощущается неослабевающее внимание к студентам Московского университета и особенно к оставленным там для подготовки к профессорскому званию (т. е., употребляя современную терминологию, аспирантам). Богословский заботится об этом «молодом рассаднике», хлопочет о получении некоторыми из них именных стипендий, упоминает о встречах и беседах с ними. Особенно отрадно было найти среди этих лиц тех, кого я знал уже профессорами – и одного из моих преподавателей по Среднеазиатскому университету в Ташкенте в годы войны И. И. Полосина, и старших коллег по преподаванию в Историко-архивном институте В. К. Никольского, А. А. Новосельского, В. К. Яцунского. Имя В. К. Яцунского, ставшего затем историком широкой проблематики, ведущим специалистом и по исторической географии России и зарубежья и по социально-экономической истории России XIX в., и замечательно заботливым педагогом, Богословский упоминает не единожды, а по прочтении «прекрасно написанного реферата о столкновении царевны Софьи с Петром» отметил: «Талантливый человек, смелый и ясный ум» (запись 28 января 1917 г.).

Думается, что отношение Богословского к своим ученикам и приемы его преподавания во многом формировали этих будущих профессоров и определяли и их критерии в оценке трудов уже собственных учеников. Академик М. Н. Тихомиров, когда к нему в год празднования 200-летия Московского университета обратились с просьбой выступить в университетской многотиражке, написал (или продиктовал?) небольшую статью «Дорога в историческую науку», где назвал фамилии трех своих университетских учителей: здравствовавшего еще

¹⁴ Неопубликованные отзывы М. М. Богословского о кандидатских сочинениях выпускников Московской духовной академии 1916–1977 гг. // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 516–526.

тогда девяностопятилетнего академика Р. Ю. Виппера, руководителя своей дипломной работы С. В. Бахрушина (умершего членом-корреспондентом Академии наук в 1950 г.) и М. М. Богословского – «Среди профессоров того времени выделялись такие люди, как Р. Ю. Виппер, М. М. Богословский и др.». И далее: «Замечательные просеминарские занятия по изучению Псковской Судной грамоты вел профессор М. М. Богословский. Вероятно, тогда-то и зародился во мне тот повышенный интерес к источниковедению, который я проявлял всю жизнь». Небезлюбопытно, что Богословский, записывая о работе своего семинара в Университете 6 октября 1916 г. (в период, когда Тихомиров готовил уже дипломное сочинение о Псковском мятеже 1650 г. в семинаре у Бахрушина) передал впечатление от работы младшекурсников: «Довольно оживленно разрабатывается Псковская правда (т. е. та же упоминавшаяся ранее Псковская Судная грамота. – С. Ш.). Некоторые студенты вошли во вкус толкования памятника: не оставляют без внимания, можно сказать, ни одной буквы»¹⁵.

Удачей в моей судьбе было то, что в сентябре 1939 г. первокурсником я попал в семинар исторического факультета МГУ, руководимый М. Н. Тихомировым, и он затем предложил заниматься под его научным руководством. Полагаю, что, комментируя с нами «Русскую Правду», Михаил Николаевич опирался и на воспринятое от Богословского, и для меня и некоторых других это тоже оказалось школой возбуждения «повышенного интереса» к источниковедению и археографии. Думаю даже, что М. Н. Тихомиров, следуя примеру именно Богословского, руководствовался, созидая свою знаменитую научную школу, едва ли не правилами времени столь глубоко изученного и Богословским, и Бахрушиным, и им XVII столетия, когда только изготовление подмастерьем шедевра своего ремесла давало право претендовать на положение мастера.

Однако в своих воззрениях Богословский иногда и устойчиво консервативен. Так, он остается по-прежнему убежденным в том, что из женщин не может выйти крупных ученых. 24 января 1916 г. записал: «Для ученой деятельности нужно творчество: эта деятельность не есть пассивное усвоение, а творчества нет у женщины. Нет женщин-композиторов, нет поэтов, нет живописцев – не может быть и крупных ученых, хотя могут быть и нужны и должны быть очень образованные. Мы работаем на Высших курсах над повышением уровня женского образования, над вооружением женского труда знанием, а не для выработки женщин-ученых». Между тем, Мария Склодовская-Кюри к тому времени уже дважды была удостоена Нобелевской премии (по физике – в 1903 г., по химии – в 1911 г.), широко известно было о математике Софье Ковалевской, в России уже творила скульптор А. Голубкина, выдающийся петербургский историк-медиевист и палеограф О. А. Добиаш-Рожественская получила степень магистра (в 1918 г. она станет и доктором наук), уже проявили себя и Анна Ахматова и Марина Цветаева, называемые сегодня в ряду великих русских поэтов.

Ожидают пристального внимания методистов преподавания истории и тех, кто сам занят преподаванием в вузах, наблюдения Богословского о своих лекциях и руководимых им семинарах («семинариях», «просеминариях» по терминологии тех лет) – как дополнять «старый курс» выписками из «вновь прочитанной литературы, как «возбуждающе действует» на лектора «полная аудитория», побуждая говорить без всяких записок и др.

Из записей узнаем, что особенно не удовлетворяет Богословского при совмещении исследовательской и преподавательской деятельности. Запись 9 ноября 1915 г.: «Я плохо читаю, между прочим и потому, что читаю два разных курса и веду четыре разных семинария, а мысль всецело направлена на "Биографию" (Петра Великого. – С. Ш.). Внимание рассеивается. Так разбрасываться нельзя». За пять дней до того, 4 ноября написал: «Преподавательская работа мешает научной работе, а научная работа отвлекает внимание от преподавания: вот тягость профессорства». Незадолго до того, 24 октября 1915 г., записывает: «Я повторяю старое, а как

¹⁵ Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 7.

бы хорошо было бы на каждой лекции сообщать что-либо новое и составлять ее заново. Но для этого надо бы читать всего 3–4 часа в неделю, т. е. служить в одном только Университете». Но концентрация подобных мыслей выявилась лишь на нескольких страницах дневника и объясняется, можно думать, недовольством тем, что не мог в это именно время заниматься и «Петриадой» (ибо 4 ноября записал: «Удосужился несколько заняться биографией Петра, которая совсем за последнее время не двигалась»).

Богословский серьезно обдумывает и наиболее полезную систему чтения лекций, и планы подготовки к печати своего лекционного курса русской истории. 30 марта 1916 г. размышляет: «Утром продолжал готовить курс для печати. Совсем это не то, что следовало бы. Нормально было бы издать нечто вроде обширного обязательного учебника, а в курсах ежегодно разрабатывать какие-нибудь отдельные темы, каждый год новые». Но каких бы трудов и какого бы количества времени и сил это потребовало!». А 10 сентября 1910 г., назвав прочитанное «для курса древней истории, который», думал «значительно дополнить», продолжает: «Начав в нынешнем году с древней истории, я имею намерение в течение остающихся мне до 25-летия (преподавания в Университете. — С. Ш.) 3-х следующих лет прочесть последовательно весь курс русской истории, дополнить, исправить и таким образом подготовить к печати».

События в России 1917 г. стали препятствием для дальнейшей работы в этом направлении. Но в личном архиве Богословского имеются материалы такого рода. Издававшиеся и переиздававшиеся как раз в период публикуемых дневниковых записей его учебники русской истории для школьников остаются, кажется, пока еще недооцененными методистами преподавания. Не выявлены еще и черты сходства и различия с университетскими литографированными курсами профессора. Возможно, научно-перспективным окажется и сопоставление этих учебных трудов заведующего кафедрой Московского университета Богословского с такого же назначения книгами заведующего кафедрой Петербургского университета С. Ф. Платонова. Не выявится ли и здесь близость, но уже в методических подходах?

Этой сфере деятельности Богословского уже посвящаются специальные труды¹⁶. Но пока еще детально не рассматривается это в контексте новых исследований о выдающихся историках – современниках Богословского как педагогах и трудов А. Е. Иванова об университетах предреволюционных десятилетий. А в дневнике Богословского, письмах его и другой исходящей от него документации много интересного не только о содержательной стороне преподавания русской истории, но и о понятиях его о служении профессором. А для человека таких нравственных устоев преподавательская деятельность была не работой, обеспечивающей определенное жизненное положение, а именно служением.

При подготовке новых исследований такой тематики желательно обратить внимание на все формы преподавательской и учебно-методической деятельности Богословского – преподавание во всех учебных заведениях, печатные труды, предназначенные для учебных целей, начиная с первых статей, подготовленных именно для преподавателей средних учебных заведений, и учащихся, особо интересующихся историей. Представления самого Богословского о призвании и обязанностях учителя образно выражены в его лекции о В. А. Жуковском-педагоге 1902 года¹⁷.

Использовать можно и издания и материалы делопроизводства учебных заведений и личного делопроизводства Богословского, отложившиеся в его архиве. Богословский считал нужным оставлять какую-то информацию о сочинениях своих студентов – 30 октября 1916 г. его посетила курсистка, «разыскивающая свое сочинение», которое он «читал в 1908 г.», и утерян-

¹⁶ Пивоварова О. Г. Историко-педагогическая деятельность М. М. Богословского // Отечественная история. 2005. № 5. С. 151–158.

¹⁷ Шмидт С. О. Лекция историка М. М. Богословского 1902 года «В. А. Жуковский как воспитатель Александра II» // Жуковский и время: Сб. статей. Томск, 2007.

ное затем, когда она дала этот текст другому профессору в период государственных экзаменов. И Богословский отмечает: «Благодаря справке в моей записной книжке дело уладилось». Это – показатель не только ответственности, с которой Богословский относился к своим обязанностям преподавателя, но и высокой степени организованности в самой системе этой работы и отчетности о ней.

Мудрость и опыт педагога сказываются и в его записях о воспитании и обучении сына, во вдумчивом подборе литературы – и русской классической, и Ж. Верна на французском языке – для чтения ему вслух. Обосновывая свой взгляд, что «единственное средство воспитания – убеждение и главное – хороший пример», Богословский употребляет терминологию, принятую в методике высшей школы – «большой запас принципиальности», «педагогическая выдержка» (запись 13 августа 1915 г.). Соображения Богословского о детском воспитании и обучении, наблюдения, относящиеся к нежно любимому сыну, следовало бы также свести воедино. И рассмотреть их в контексте с написанным в то же примерно время о воспитании и обучении мальчика Петра Первого.

Дневниковые записи Богословского – уникальный по информационной насыщенности и откровенности самовыражения исторический источник (во всяком случае, среди сочинений других источников). Обогащаются представления исследующих и историографическую проблематику, и общественное сознание русской интеллигенции кануна революции и в революционный 1917 год и то, что происходило в Москве той поры. Дневник, несомненно, окажется особенно интересным психологам. Написанное профессором русской истории нескольких высших учебных заведений и автором пособий для средних школ, блюстителем московской православной старины, выпускником 5-й гимназии, где принято было учиться сыновьям профессоров Московского университета, становится значимым источником и для познания образа речи, языка – и литературного, и разговорного – московской интеллигентской элиты тех лет и ее отношения к вносимым в эту речь изменениям и новациям.

Ознакомление с дневниковыми записями историка показывает, что уже при их составлении формировался тот стиль изложения, который так пленяет нас в предназначенных автором для печати воспоминаниях о Москве своей юности и о коллегах-москвичах¹⁸.

Особенно много дает публикация дневниковых записей М. М. Богословского для размышлений о специфике дневников историков. Теперь, когда за последние десятилетия становятся достоянием читателей издания дневников, писем и мемуаров выдающихся историков первой трети XX столетия и трудов, этому посвященных, все более очевидно, как значима такая историческая документация для изучения не только развития науки и культуры, но и общественного сознания этой эпохи.

Сигурд Шмидт

¹⁸ Богословский М. М. Историография, мемуары, эпистолярная. (Научное наследие) / Сост. Л.А. Черная. М., 1987.

1913 год

6 октября. Воскресенье. Диспут приват-доцента Харьковского Университета Кагарова: «Культ фетишей в древней Греции»¹. Вопреки моим ожиданиям сравнительно много публики, так что весьма поместительная 6-ая аудитория была достаточно полна. Возражали Новосадский довольно формально и сухо, и Соболевский С. И. – блестяще. Неоднократно вызывал он простодушно-остроумными замечаниями дружный смех аудитории и надо сказать сокрушил Кагарова, доказав, что никаких фетишей у греков в Европе уже не было, с чем и диспутант принужден был согласиться, так что пришлось отнести греческий фетишизм к тем временам, когда греки не появлялись еще в Европе. Третьим возражал Грушка: но был уже седьмой час в исходе, а диспут начался в 1^{1/2} – и я ушел. Кажется, с 1906 г. не было диспута по классической филологии, и наши классики с накопленными свежими силами набросились на бедного магистранта, как голодные на желанную и давножданную добычу. Диспут доставил мне большое удовольствие, и я отдыхал на нем душой, вспоминая свои². Параллельно с этим филологическим состязанием должно было идти напыщенно-дутое чествование «Русских ведомостей». С. И. Соболевский начал возражения с указания, что в книге много ссылок – приблизительно по 10 на каждой странице, а так как страниц 300 с лишком, то ссылок, следовательно, более 3 000! и если добросовестному читателю хотя бегло их проверять, то понадобилось бы 50 дней при 10-часовой работе в день! Затем указание на тексты таких писателей, которые не заслуживают доверия, или на такие тексты, которые ничего не доказывают. Много ошибок и в передаче текстов. Не обошлось и без ошибок в грамматических формах.

7 октября. Понедельник. День проведен дома, т. к. для студентов Академии устроена экскурсия в Москву в Музей Александра III³. Лечил зубы, ходил гулять с Каплюшкой⁴, и сделали вместе довольно большую прогулку. За обедом разговор на французском языке о скандале, которым завершилось вчерашнее празднование или вернее самопразднование «Русских ведомостей». Как нередко бывает с русскими торжествами, дело кончилось полицейским протоколом. Пишу вечером у Троицы⁵.

8 октября. Вторник. Лекция в Академии⁶ – читал плохо: вяло, без оживления. Читал текст давно написанный и при этом чувствовал, что надо бы давать что-нибудь новое – но когда же это новое приготовишь? То ли дело бывало, когда был всего один час в неделю и когда целую неделю к нему подготавливаешься. И теперь нормально было бы читать хоть четыре часа, но отнюдь не больше. Тогда можно было бы серьезно подготавливаться к ним. Курс в Академии «XVIII-й в.» вообще как-то идет у меня вяло. Из Академии попал в Университет на факультетское заседание, на котором единогласно решено возвести Герье в почетные члены. Следует только удивляться, как этого не случилось гораздо ранее. Это уже не первое единогласное решение факультета за начавшийся год. Наступили, по-видимому, времена мира.

9 октября. Среда. Читал утром Шимана⁷. Вечером у меня бывший мой слушатель Черепнин.

13 октября. Воскресенье. Диспут П. Н. Сакулина, о котором так много говорили в Москве за последние дни⁸. Факультет решил отступить от установившегося в последнее время порядка выпуска на большие диспуты...

1915 год

16 июля. Четверг. Ездили утром с Миней¹ на лодке в Песочное² за посылкой (учебник³) и за припасами. Вечером с ним же гулял.

17 июля. Пятница. Пишется жизнь Петра за 1692 год⁴.

18 июля. Суббота. Большая прогулка через Глинино и Панино на Остров. Какие тихие и успокаивающие места. Прибытие вечернего парохода из Рыбинска.

19 июля. Воскресенье. Годовщина объявления войны⁵. Вспоминались прошлогодние события.

20 июля. Понедельник. Лиза⁶ от нетерпения получить газеты ездила за ними в Песочное, но лодку пришлось оставить там и вернуться на пароходе вследствие сильного ветра. Статьи по поводу годовщины войны. После обеда прогулка на Остров. Вечером чтение газет.

21 июля. Вторник. Занятия биографией Петра. Начат 1693-й год. После обеда поездка в Песочное за лодкой и припасами. Написал 4 письма. Вечером чтение газет с отчетом о думском заседании 19 июля. Сильная гроза.

22 июля. Среда. Продолжаю писать 1693-й год. После обеда дождь, продолжавшийся и вечером. Окончание думских прений в газетах. Отступление к северу от Люблина и Холма⁷.

23 июля. Четверг. Писался 1693-й год и очень усердно. Лил все утро октябрьский постоянный дождь. Затем стало проглядывать солнце, но целый день дождь.

24 июля. Пятница. Целый день ровный, совсем осенний дождь, и мы точно в осаде. Утром я жил в 1693 г., который и кончил. После чая удалось погулять в парке. К вечеру принесено с соседней дачи известие об оставлении нами Ивангорода и Варшавы⁸. У нас уныние. Горько и тяжело, но что же делать, раз это было неизбежно. Есть что-то похожее на то, когда в доме тяжело, безнадежно больной, приговоренный к смерти. Смерти его ждут, и все же она является ударом. Варшава нам за нашу историю ничего кроме зла не приносила, и неизвестно, что выйдет из обещанной Польше автономии⁹, может быть повторение истории 1830 и 1863 годов¹⁰. Но все же жаль отдавать ее немцам. Лично меня гораздо более тревожат известия в газетах о подступе немцев к Риге и об ее эвакуации¹¹. Ригию мы спокойно и беспрепятственно владели с 1710 г. Это приобретение Петра Великого, и потому должно быть прочно нашим. В такие моменты речи некоторых думских ораторов о необходимости сейчас же проводить реформы местного управления и всякие другие реформы нашей внутренней жизни похожи на разговоры и соображения о перестройках и переделках в горящем доме, когда прежде всего надо заняться тушением пожара.

25 июля. Суббота. Опять целый день непрерывный, монотонный осенний дождь и довольно холодно. За обедом горе Капл [юшечки] по поводу случая с котенком, которого чуть было не раздавила в сенях Лена.

Вечером газеты, подтверждающие оставление нами Ивангорода и Варшавы со взрывами мостов. Жаль этого великолепного моста через Вислу. Все же как-то легче, точно нарыв, давно назревавший, прорвался. Год кончился для нас печально! Что-то даст нам следующий? Не понимаю тех, которые складывают всю вину на управление. Может быть, оно у нас и худо, но потому только, что и вообще мы сами худы. Каждый народ достоин своего управления. Разве мы в своей, ежедневной, обыденной жизни умеем так много, так постоянно, точно и отчетливо работать, как иностранцы: французы, немцы, англичане? Мы все делаем кое-как, спустя рукава, смотрим на работу как на досадную помеху и стараемся отбить ее как ни попало. Все это наследие у одних бездельного барства, у других принудительного тягла и крепостной неволи. Мы еще не поняли цены труда в свободном состоянии, как иностранцы, прелести труда

самого по себе. А вся наша безалаберщина! У нас нет двух семей, которые бы обедали и ужинали в одно и то же время, у всех все по-своему и в полном беспорядке. Что же удивительного, что и управление у нас такое же, как мы сами! Ведь оно из нас же самих пополняется. Что жаловаться на нарушение закона губернатором? А сами мы соблюдаем закон? У нас стоит вывесить где-либо какое-либо объявление, например, в вагоне или трамвае, все мы намеренно станем его нарушать или, по крайней мере, обходить: в вагоне для некурящих – мы ведь всегда закурим!

26 июля. Воскресенье. Нет дождя, хотя и пасмурно. Но и в пасмурные дни есть своя особая, величественно-печальная красота на Волге. Обрадовавшись возможности двигаться, мы с Лизой довольно много ходили и сделали прогулку по берегу и по новой лесной и красивой дорожке из усадьбы Лучинской в Позделинское. Было только сыро, и промочили ноги. Рожь совсем уже пожелтела и от дождей наклонилась к земле; на одной из полос часть была сжата и сложена в скирды. Тишина и мир в деревне. Вечером опять небольшой дождь. У нас догорел последний запас керосину, и мы погрузились во мрак. После ужина ходили на пристань. Капл [юшечке] очень хотелось там остаться для встречи 10-часового парохода из Рыбинска. Насилу увели с большой обидой и слезами.

27 июля. Понедельник. Поездка утром в Песочное на почту и за припасами. Отправил экземпляры учебника¹² в Казань преосвященному Анатолию и проф. Н. Н. Писареву, а также ответ студенту о сочинении. Но с припасами дело обошлось плохо – фабрика была закрыта по случаю праздника св. Пантелеймона и водосвятия, на котором мы и присутствовали. После чаю ходили в Кораново. Беседа с женой сапожника о войне. Дожигали последние капли керосина.

28 июля. Вторник. Великолепный солнечный день с осенней прозрачностью воздуха. Вода в реке как зеркало; пароходы и барки отчетливо отражаются в этом зеркале. Вид поразительно красивый. Наконец состоялась наша экспедиция в Песочное за продуктами. Вечером лампы были наполнены керосином и засияли. Можно было читать с комфортом отчаянно плохую книгу Максимейки о Русской правде¹³.

29 июля. Среда. Ездил в Рыбинск. На пароходе разговор с генералом, который убежден, что окружить нашу армию на передовом театре военных действий немцам теперь уже, раз мы оставили Варшаву, не удастся. Он удивлялся, как немцы бросились сразу на такую сильнейшую первоклассную крепость, как Ковно¹⁴. Сообщил о маленьком десанте русских войск из Владивостока в Дарданеллы, перевезенном на французских кораблях.

30 июля. Четверг. Утро в писании 1694 года моей «Петриады»¹⁵. После обеда прогулка до Острова. Вечером с Лизой быстро на 4 веслах сплавали в Песочное. Один из красивейших закатов на Волге; при таком освещении наш берег, высокий и лесистый, дивно красив.

31 июля. Пятница. С 12 часовым пароходом прибыли из Рыбинска все пятеро Богоявленских¹⁶, что доставило нам большую радость. К сожалению, погода пасмурная, мелкий дождь.

1 августа. Суббота. У обедни и на водосвятии на Волге. После обеда большая прогулка на лодке с Богоявленскими.

2 августа. Воскресенье. Туман, не помешавший нам, однако, сделать путешествие по окрестным деревням и полюбоваться архитектурой домов и впечатком зажиточности.

3 августа. Понедельник. Продолжается туман. Мы с С. К. [Богоявленским] и с детьми прогулялись на Остров. Много разговоров о войне. Поездка в Песочное.

4 августа. Вторник. Утром прогулка за Кораново. Уговорили Богоявленских пробыть до завтра.

5 августа. Среда. Отъезд Богоявленских. Слезы Каплюшечки при расставании. И мне было грустно. Возобновил работу. Кончил книгу Максимейки – очень плоха.

6 августа. Четверг. Писал статью о Христоматии Владимирского-Буданова¹⁷. Прогулка Глинино – Панино – Остров. Нет газет, т. к. все держится туман, и пароходы идут неаккуратно.

7 августа. Пятница. Продолжал статью о Судебнике 1589 г. Газета с печальным известием о взятии немцами западных Ковенских фортов. Вот уже три месяца, как ни одного сколько-нибудь радующего известия с войны. А в Думе договорились до такой нелепицы, что у нас и крепостное право было созданием немцев! (Родичев)¹⁸. И такой вздор несет все же образованный человек! У нас можно разрешить какие угодно вопросы: польский, еврейский, армянский, но немецкого не разрешить: до такой степени за двести с лишком лет немцы вошли в нашу жизнь и слились с нами. Немецкие фамилии у нас среди интеллигентного круга на каждом шагу. У нас на факультете из 16 профессоров три немца: Брандт, Виппер, Мальмберг – но разве они немцы? После этого и Кизеветтера надо считать немцем.

8 августа. Суббота. Продолжает стоять туман. Писалась статья о Судебнике. Ходили за грибами. Пришла почта за несколько дней с давящими известиями о входе немецких судов в Рижский залив, об оставлении нами Ковно и о тяжелом положении Новогеоргиевска¹⁹. Чаша, доставшаяся нам на долю, становится горше и горше.

9 августа. Воскресенье. Утро и после обеда до чаю за статьей о Судебнике, которая значительно подвинулась. Затем прогулка с Миней в Кораново. День солнечный, но такая густая мгла, что солнце кажется красноватым диском, на который нетрудно смотреть. В газетах, полученных при возвращении с прогулки, еще более тяжкие известия о Рижском заливе²⁰, об очищении Ковно и о взятии фортов Новогеоргиевска. На пристани распространился слух о взятии союзниками Дарданелл²¹, будто бы сообщенный из Почтовой конторы соседнему помещику Теляковскому – управляющему театрами. Как бы хорошо, хоть бы единственный светлый луч в этой беспросветной тьме, окутывающей нас с апреля!

10 августа. Понедельник. Продолжает стоять мгла, еще более густая – дым от горящих где-то лесов. Как и следовало ожидать, слух, принесенный с пристани нашей «педагогичкою», оказался вздорным. Утро за статью о Судебнике. Разыгрываются грозные мировые события, а я сличаю разночтения списков Судебника! Что ж из того. Живут люди в Италии на самых вулканах, собирают виноград и занимаются самыми прозаическими делами. Получена корректура 2-го издания первой части учебника²², для чего плавали в Песочное с Лизой. Вести с войны все хуже и хуже. Вечером корректура.

11 августа. Вторник. Наконец прояснилось, и дым, окружавший нас со 2-го августа, исчез под действием южного ветра. Утро за статью. Получено письмо от Елагина о 1-ой части учебника. Прогулка с Лизой за Кораново при надвигавшейся с юга туче. От сильнейшего ливня укрылись в сенном сарае Теляковского, где работали пленные из поляков. Прошли через его усадьбу, замечательную видом довольства и благоустройством. Вечер за корректурами. Светлая лунная ночь. Состояние духа все время войны такое, как будто в доме кто-то тяжело больной. Тяжело болеет – Россия, родина.

12 августа. Среда. Окончена статья о Судебнике, и приятно то, что в положенный срок. Можно опять вернуться к Петру. Промелькнула черточка света в газетах: удачное наше сражение в Рижском заливе, вследствие которого немецкий флот принужден уйти²³. Хотя это, конечно, и не надолго, но все же отсрочка. Написал ответ Елагину с указанием опечаток. Утро солнечное, затем дождь, и сильнейший, под который мы попали. Ночь ясная, лунная. Прогулка по берегу.

13 августа. Четверг. Необыкновенная ясность и прозрачность воздуха. Вода в Волге как зеркало; леса на том берегу заметно подернулись желтизной. Чувствуется что-то осеннее. Вновь принялся за Петра и писал июль и август 1694 г. После обеда прогулка до Острова, затем ездили на лодке в Песочное. Вечер за газетами: прения о подоходном налоге²⁴. Что угодно будем платить, только бы водки не было.

14 августа. Пятница. Писалась глава о второй поездке Петра на Белое море²⁵. Работа не шла: мысль почему-то все направлялась к городам и территориям, покинутым нашими войсками. Что переживало при этом эвакуируемое и оставшееся население? Мне как-то особенно реально представлялась картина эвакуации Москвы, если бы такая эвакуация случилась, а чего теперь не может случиться! Как уйти из города двухмиллионному населению! Какая была бы сумятица, смута и беспорядок на вокзалах! В 1812 г. дело было гораздо проще: запрягали *своих* лошадей и с обозом в сопровождении челяди уезжали в свои деревни.

У нас большой разлад с Л[изой] во взглядах на значение наказаний в системе воспитания детей. Уже читая курсы уголовного права, я поражался чем-то ненормальным, противоестественным, присущим наказанию, в особенности же этим хладнокровно-научным обсуждением жестокостей, совершаемых одними людьми над другими, классификациями этих жестокостей и т. д. Но там хоть дело идет о взрослых сознательных людях, и притом злодеях! Но дети? На мой взгляд, семья – не тюрьма, дети – не преступники. Наказания в педагогике – это отрывка доброго старого времени, когда педагог именно смотрел на ребенка как на преступника, из которого надо выбивать прирожденное ему зло. Единственные средства воспитания: убеждение и главное хороший пример. Разве уж, в крайнем случае, если, по словам Феофана Прокоповича, окажется «детина непобедимой злобы»²⁶, можно допустить и какое-либо быстрое воздействие, но непременно быстрое, чтобы вызвать реакцию в совершающем проступок. Наказание вообще должно следовать непосредственно, сейчас же за преступлением, связаться с ним одной неразрывной связью, сделаться его логическим последствием. Тогда оно объяснимо, по крайней мере, как месть за причиненное зло, как отражение злодеяния. Если на моих глазах кто-либо убьет безоружного человека, ребенка – я могу в раздражении убить убийцу. Но наказания, отделенные долгим промежутком от преступления, когда все взволнованные чувства улеглись, когда все уже наполовину забыто, когда и сам злодей сидит в цепях и за железной решеткой, хладнокровно взвешиваемые и определяемые, отвратительны. Надо, чтобы наказание и в мысли преступных или склонных к преступлению элементов неразрывно связалось с преступлением, стало необходимым, неизбежным последствием преступления: убьешь – значит, сам будешь убит или пойдешь в каторгу, украдешь – неизбежно будешь сидеть в тюрьме, так чтобы «убить» и значило в то же время «быть убитым или каторжником» и «украсть» значило бы сидеть в тюрьме. Тогда в наказании будет смысл страха. Отделенное от преступления временем, оно все-таки есть, что бы там ни говорили, насилие одного человека над другим. Тем более недопустимы отсрочиваемые наказания в педагогике, как в былые времена в школах за все проступки, совершенные в течение недели, пороли по субботам. Настроение и состояние духа ребенка быстро меняется. Сейчас грубый и резкий, он через полчаса бывает тихий и кроткий и совсем забудет о сделанном раньше. И вот подвергать его наказанию, когда уже он совершенно переменился, – неразумно и несправедливо, а давить на его психику ожиданием наказания прямо вредно. В особенности, если ребенок самолюбивый. Вообще, по-моему, наказание есть злодеяние, могущее быть оправдываемым раздражением мстящего за причиненное ему зло. Хладнокровно предпринимаемое, оно есть гнусность. Самое слово это в устах педагогов мне отвратительно. Грустно, что меня не понимают!

Раздражение и злобу в детях вызывают обыкновенно сами большие своими бестактными поступками по отношению к ним. Осторожным, умелым и тактичным обращением, хорошо, конечно, узнав нрав ребенка, можно совершенно избежать этих моментов раздражения и злобы, и тогда, мне думается, злые чувства, имеющиеся в душе каждого ребенка, будут, так сказать, атрофироваться вследствие неупражнения. Это, конечно, не так просто, тут надо иметь большой запас принципиальности, педагогической выдержки, спокойствия и любви к детям. Не всем такой талант дается. Нельзя к хрупкому предмету прикасаться грубой и порывистой рукой.

С. К. Богоявленский прислал мне «Двинскую летопись»²⁷.

15 августа. Суббота. Ездили к А. В. Щукину в его имение Сыровежино²⁸, второй раз. Были угощены с истинно русским гостеприимством и изобилием. У него работают трое пленных русин²⁹. Так как все русские работники или призваны на службу, или ушли, то он остается с одними пленными. Первые слова Щукина были: «Да, как бы из Москвы-то не погнали, вот что!» Издали видел слепого старца, зятя Щукина, В. А. Лобанова, осторожно идущего с палочкой. При поездках в Сыровежино в юности я знал его молодым человеком и с тех пор не видал. По возвращении у себя нашел болтливое письмо Грена с довольно пустыми стихами.

16 августа. Воскресенье. Утром работал над Двинской летописью, присланною С. К. Богоявленским. У нас собрание детей, целый день играющих с Миней в парокход. После чая прогулка с Лизой по деревням: Кораново, Болонново, Погорелки, Починки. Красивые великорусские места, пейзажи совсем в нестеровском стиле. Финал прогулки печальный. Когда мы подходили уже к дому, нам подали газеты с известием об оставлении Бреста³⁰. Тяжко.

17 августа. Понедельник. Великолепная жаркая погода при восточном ветре. Довел изложение событий биографии Петра до сентября 1694; дальше нужны новые материалы, которых со мной нет (записки Желябужского³¹, статья Корниловича³²). Остановился на распутии. Думы все о войне и все время ощущение, как будто в доме тяжело больной, которому стало хуже. После обеда одинокая прогулка по окрестным деревням, куда ходили и 16-го. Вечером ездили на лодке все в Песочное за провиантом и на почту.

18 августа. Вторник. Утром над дневником Гордона³³ до чаю. Затем прогулка под дождем. Вечер за книгой Флоровского³⁴: читается с удовольствием.

19 августа. Среда. Утро ясное и жаркое, с обеда пасмурно и дождь, вечером опять ясно. Неприятно на меня подействовало известие в газетах о собрании в Москве у депутата Конова-лова, на котором были Маклаков, Новиков, Челноков и Н. Н. Щепкин, «по военным и политическим вопросам». Собрание постановило воевать до окончательной победы и добиваться коалиционного министерства³⁵. Итак, кадетское собрание пользуется нашими поражениями, чтобы добиваться осуществления своей программы – парламентаризма, и это при Думе, где 22 партии и никакого определенного устойчивого большинства! В душе эти господа, вероятно, рады нашим неудачам, ибо при удачах о кадетской программе не было бы и речи. Немцы им выходят лучшими союзниками. Лицемеры. И что такое за специалист Н. Н. Щепкин по военным вопросам. Тоже полководец!

20 августа. Четверг. Утром намеревались переплыть реку, направляясь в Песочное, но отказались от поездки вследствие сильного противного ветра. Прогулка к корановскому сапожнику. После обеда чтение новой книги Флоровского – диссертации. Вот и последствия частных совещаний: Московская дума выступает с постановлением о необходимости иметь во главе правительства лицо, пользующееся общественным доверием. Это, разумеется, сигнал, по которому заголосят и другие думы. Назначать такое лицо – прерогатива монарха. Дума выступает из берегов. Правда, все это облечено в очень почтительные формы, но все же это похоже на 1905 год. Вечером плавали в Песочное при тихой и ясной погоде. Идут разговоры, когда уезжать, 23 или 26. Жаль расставаться с природой.

21 августа. Пятница. Утро за Флоровским и после обеда. После чая прогулка с Л[изой] по берегу и по полям нашей помещицы³⁶. Пасмурно, хотя и тепло: грустный осенний вид. Вечер за газетами. Вечером Миня стал жаловаться на насморк и простуду и лег в постель по собственной инициативе, чего здоровый он никогда не делает. Жаль, если что-нибудь серьезное – вся летняя поправка пропадет. В газетах известия с войны более, кажется, благоприятные. Но наши успехи незначительны, и может быть опять плохой оборот. За Московской думой

последовала Нижегородская, затем Московское купеческое общество и Биржевой комитет³⁷. Партитура разыгрывается.

22 августа. Суббота. Продолжение Флоровского. После обеда прогулка с Лизой в Кораново за обувью. Затем вечером поездка на лодке вниз по реке до дачи Стахеевых. Тихая, теплая, ясная осень. Болезнь Каплюшечки оказалась насморком, он в течение дня был на ногах.

23 августа. Воскресенье. Утром большая прогулка в Мартюнино и дальше по лесу, где много пожелтевшей березы. Осень. Заходил на обратном пути в церковь, но к обедне уже опоздал. Затем чтение Флоровского. Отъезд педагогички. С обеда дождь и пасмурно. Вечер – длинный дома за газетами. Итак, нами продолжают вертеть немцы. В мире с нами они уклонили наш курс вправо; в войне они поворачивают нас влево. Побеждая, мы правеем, терпя неудачи, левеем.

24 августа. Понедельник. У нас начался полный разгром – сборы в Москву. Утром я все же прочел несколько следующих листов Флоровского. После обеда начался дождь, и весь день вообще стоял туман, так что было темно. После чая мы с Л [изой] сделали последнюю прогулку через Позделинское – проститься с берегами Волги, пользуясь перерывом дождя. С невеселыми думами приходится уезжать. Вечером укладка.

25 августа. Вторник. Мы тронулись с 12 час. пароходом в Ярославль, везя с собою около 40 вещей, что для меня было прямо ужасно. Утро было ясное; мы с Миней погуляли, вновь прощаясь с прютившими нас местами. В пути полил сильный дождь. В Ярославле комическая сцена с укладкой нашего скарба на ломового, лошадь которого оказалась пугливой. Долго пришлось сидеть на вокзале, куда приехали в 6 ч. вечера в ожидании поезда, отходившего в 11 ч. ночи. Л[иза] распорядилась с нагрузкой, разгрузкой, сдачей в багаж вещей со способностями главнокомандующего.

26 августа. Среда. Отлично спали в дороге и были разбужены, когда подъезжали к Пушкину. На станции опять возня с багажом. В буфете узнали весть о перемене в Верховном командовании³⁸ от подававшего кофе лакея и были крайне взволнованы этим известием. Момент, переживаемый странною, потрясающей. На меня особенно тревожно действуют эти бесконечные раздоры и препирательства партий в то время, когда надо объединиться для единственного теперь важного дела. Целый день я был сам не свой при мысли о совершающихся событиях. Гроза во много раз величественнее и страшнее 1812-го года.

27 августа. Четверг. Я ожидал, что весть о перемене командования вызовет панику на бирже. Ничуть не бывало; наоборот, биржа ответила повышением ренты с 77 на 78. Значит, были серьезные и имеющие благоприятное значение основания для такой перемены. Был в факультетском заседании, на котором уже участвовал и Юра Готье. Возвели Иконникова в почетные члены Университета. Любавский объяснил причины перемены командования. В. кн. [Николай Николаевич (младший)] после поражений упал духом и, кроме того, не соглашался расстаться с Янушкевичем, оказавшимся не на высоте назначения, и заменить его талантливым генералом Алексеевым, который теперь назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. Грушка поднял вопрос об участии филологического факультета в обороне страны. Студенты наши, конечно, могут найти где-либо приложение своих молодых сил, но мы, филологи и историки – профессора, куда годны? Разве на топливо, которого в Москве недостаток. Начали плести вздор о выточке каких-то шомполов или о делании ящиков на случай, если придется вывозить библиотеку.

28 августа. Пятница. Был в университетской библиотеке за книгами для академической речи, которая, впрочем, неизвестно, состоится ли³⁹. Затем в конторе «Русских ведомостей»⁴⁰ менял адрес. Вечером у нас Миша и Шурик⁴¹.

29 августа. Суббота. Совещание у М. К. Любавского, предварительное перед Советом, по поводу участия Университета в обороне. Бодрящее действие произвели сообщения про-

фессоров, состоящих членами военно-промышленного и военно-технического комитетов⁴², об успехах деятельности этих комитетов. Оказывается, Московский комитет выделяет уже около 3 000 снарядов в сутки. В совершенно достаточном количестве добываются необходимые для военной техники азотная и серная кислота. Проф. Снегирев сообщил утешительные сведения о тульских оружейных заводах, работа которых ему хорошо известна. Эти доклады подняли настроение, вначале довольно подавленное. Возвращался с Челпановым и Грушкой.

30 августа. Воскресенье. Ездили в Пушкино к Богоявленским, где пробыли целый день.

31 августа. Понедельник. Утро за речью. В Москве нет дров – готовим на керосинке. Это пустяки теперь, когда тепло, но что же будет дальше! Встретил Котляревского, признает положение очень серьезным, и замечает, что «претерпевый до конца спасен будет»⁴³. Вечер у Богословских⁴⁴.

1 сентября. Вторник. Рано утром ездил к Троице⁴⁵ на Совет в Академии. Здесь веяние войны меньше заметно. Секретарь [Н. Д. Всехсвятский] вычитывал накопившиеся за лето указы, как будто ни в чем не бывало. Ехали с П. П. Соколовым, очень мрачно смотрящим на положение. Совет бессодержательный. Принято в Академию небывалое число – 130 человек. Без экзамена – оттого и наплыв.

2 сентября. Среда. Занимался в университетской библиотеке Полным собранием законов⁴⁶, извлекая материалы для академической речи. По дороге в нее встретил М. К. Любавского, который воскликнул: «Как это вы можете заниматься теперь П. С. З.!» Он опасается смут по поводу роспуска Думы⁴⁷. Я ответил, что никаких смут не будет. Газеты, действительно, всячески раздувают этот вопрос, стараясь вызвать раздражение в читающем обществе и неправильно употребляя термин «ропуск», когда дело идет лишь о перерыве занятий. Вечером мы с Л[изой] были у Готье, где разговор о войне и Думе. Пока работаешь в тиши библиотеки – есть силы и самообладание, но затем чувствуешь, что нервная система изрядно расстроена.

3 сентября. Четверг. Утро до 2¹/₂ в университетской библиотеке за Полным собранием законов в читальном зале, где занимался также А. Н. Савин. Пришел И. И. Иванов, зачем неизвестно, и, увидев Савина, вступил с ним в продолжительный разговор, чем немало мешал мне. Около 2-х я пришел производить полукурсовой экзамен в новое здание⁴⁸, где меня ждал Г. К. Рахманов, пригласивший обедать в «Прагу»⁴⁹. В деревне в одиночестве он очень приуныл и очень взволнован текущими внешними и внутренними событиями и ищет ободрения. На экзамен явилось всего три студента. В 7-м часу я отправился в «Прагу», и втроем (с М. К. Любавским) мы пообедали, обсуждая дела. Газеты продолжают волновать словом: «ропуск», «ропуск», «ропуск» и ведут совершенно спортсменскую агитацию: «распустят – не распустят». М. К. [Любавский] сообщил слух о поражении будто бы немцев у Дубно⁵⁰ на Юго-Западном фронте и о плене принца Иоахима – не оправдавшийся. Нам привезли ¹/₄ сажени дров – целое событие.

4 сентября. Пятница. День рождения бабушки⁵¹, которой исполнилось бы 73 г. и какие страдания пришлось бы ей переносить все лето и теперь, если бы она была в живых. Ропуск Думы – совершившийся факт. Последствием является забастовка московских трамваев, оставившихся на моих глазах. Мы были с Лизой на Петровке у Мюра⁵², затем прошли по Никольской и по Александровскому саду. У Манежа вагон трамвая № 31, не доехав нескольких аршин до места обычной остановки, вдруг стал, точно споткнулся. Лиза села в него, а я пошел пешком. По дороге я увидел, что все вагоны стоят на тех местах, где каждый был захвачен перерывом тока. У меня мелькнула мысль о забастовке, и это оказалось верным. Вечер – дома. Распропагандированные рабочие электрической станции – всегда начинали трамвайные забастовки. Мало смысла в этих головах. Если за этой забастовкой последуют другие, более связанные со

снабжением армии, – наше дело проиграно. Большая доля вины на газетах, создававших тревогу по поводу перерыва занятий Думы и взвинчивавших настроение.

5 сентября. Суббота. Заседание университетского Совета. Началось избрание выборщиков для избрания членов Государственного совета от Академии наук и университетов⁵³.

Я вошел в момент подачи записок и тотчас же написал три имени: Любавского, Филиппова и Митропольского. Затем при оглашении записок я услышал, что эти имена упоминались наиболее часто. Они и были действительно избраны. Затем М. К. Любавский прочел, в виде перехода к докладу о деятельности Университета по государственной обороне, записку декларационного характера с заявлением, как Университет смотрит на текущие события. Здесь дана энергично и сильно написанная характеристика войны, германской жестокости и германских политических вождедений и ярко указаны перспективы немецкой победы, когда под немцем нам будет хуже, чем под татаринном. В виду этой опасности надо напрячь все силы и действовать дружно, всякое разъединение было бы губительно для России. Записка была покрыта шумными аплодисментами. Поднялся проф. Снегирев и в коротких, но горячих словах предложил прибавить к записке, что Университет считает всякую забастовку во время войны изменой и предательством. Заявление вызвало бурные аплодисменты, но вызвало, к сожалению, разногласие. С. А. Котляревский просил предварительно устроить частное совещание, где он расскажет, насколько положение серьезно, и сообщит какие-то военные тайны, которые оглашать в официальном заседании Совета он не находит возможным. Его поддержал Д. Ф. Егоров, красноречие которого, сравниваемое проф. Челпановым с вязаньем чулок, всегда на меня неприятно действует. Л. М. Лопатин нашел термины Снегирева слишком резкими, советовал не вносить раздражения, ссылаясь на то, что и объявление градоначальника [Е. К. Климовича] составлено в мягких выражениях, и предлагал оставить без прибавок первоначальный текст Любавского. Затем полились потоки красноречия, настоящего профессорского, с рассмотрением вопроса с одной стороны и с другой стороны, с анализами и т. д., еще раз меня убедившие, что нет элемента более непригодного для политики, чем профессора. Остроумно по поводу этих грозивших затянуться до бесконечности дебатов проф. Ив. Ив. Иванов сказал о русском обывателе, готовом спорить ночи напролет о самых метафизических вопросах, боящемся назвать вещи своими именами и выйти на бой по-рыцарски, с оружием в руках и с обнаженной грудью. До чего все-таки все нервно настроены, мне показал следующий разыгравшийся в Совете эпизод. Услыхав на улице какой-то шум и подумав, не возобновили ли движение трамваи, я подошел к окну, за мной двое-трое других, и затем все члены Совета бросились к окнам. Оказалось, что довольно быстро провозили мимо Университета какие-то военные повозки. М. К. Любавский умно поступил, сказав, что никаких частных совещаний устраивать не нужно, и предложил оставить свой текст, несколько его усилив, что и было принято. Далее делался доклад об участии медицинского и физико-математического факультета в военных работах, с чем я был уже знаком по совещанию у М. К. Любавского. В 6 я ушел после глупости того же Ив. Ив. Иванова, предложившего Университету издавать во время войны журнал с описанием войны и деятельности Университета для войны. Трамвайные вагоны стоят на тех местах, где вчера остановились.

6 сентября. Воскресенье. Трамваи не ходят. Не вышли и газеты. «Товарищи» продолжают глупить всюю и показывать полное отсутствие всякого политического смысла. У меня студент Академии Протодиаконов, с просьбой принять его в кандидаты, писать мне сочинение на тему об отношении правительства Николая I к сектантству, которое он должен был подать доценту Ремезову, ушедшему в военное училище. Затем И. Н. Бороздин, пришедший за учебниками, А. П. Басистов, разрушивший мое намерение идти к Ст. Ф. Фортунатову. Вечером Л. И. Львов и Липушата⁵⁴.

7 сентября. Понедельник. Должен был ехать в Академию начинать лекции, но не поехал, потому что трудно добраться до вокзала: трамваи не ходят, извозчики вздули невероятные

цены 3 и 4 рубля, да утром извозчика и не найдешь. Пешком же идти под лившим все время дождем мне не хотелось. Писал речь. Выходит так, чтобы только была готова и отделаться. Вижу, что ничего порядочного из нее не выйдет, так как она рассчитана была первоначально на 25–30 минут на юбилейном собрании, и я вовсе не готовил исследования, какое принято давать обыкновенно в актовом речах. Выходил только утром, а затем весь день дома из-за дождя. Вечером у нас Маргарита⁵⁵, возвестившая о возобновлении трамваев. К чему же, следовательно, этот трехдневный самовольный праздник? Наказана городская казна на трехдневный убыток от трамвая, т. е. тысяч на полтораста-двести. Из газет появились только понедельничная «Молва»⁵⁶, которая и расхватывалась. Известия неважные, окружася Вильна, и неизвестно, удастся ли оттуда выйти сражающейся там армии⁵⁷.

8 сентября. Вторник. Вышли газеты. Вчера открылись в Москве одновременно два съезда: общегородской и земский⁵⁸, и первый день отведен общеполитическим дебатам. Те же слова, слова и слова, что и в Государственной думе, о министерстве общественного доверия и об амнистии; дела для армии отложены на следующий день. Выступал и А. И. Гучков с речью; с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой – нельзя не признаться. Извольте видеть: надо бороться с властью и в то же время не надо колебать престижа власти⁵⁹. Говорилось о преступлениях и о «безнаказанности» власти – словом, власть стала у нас подсудимой. Разыгрывается партитура 1905 г. Уже «товарищи», руководимые присяжным поверенным, собираются в Думе «для обсуждения создавшегося положения»⁶⁰. Челноков отказывается участвовать в их собрании, но ведь сам же и начал все это дело. У нас говорить против власти есть признак гражданских чувств, а соблюдать верность власти в тяжкие для государства минуты считается недостойным гражданина. Вечером был Вл. Ал. Михайловский, настроенный крайне пессимистически.

9 сентября. Среда. Утром почувствовал тошноту и головокружение, до завтрака лежал. Весь день дома, читал книгу Флоровского.

10 сентября. Четверг. Утром на прогулке встретил М. М. Покровского, недавно женившегося, и поздравил его. Жена его, оказывается, третью неделю лежит очень больна. Утро за речью. Затем был на экзамене в Университете. Было довольно много плохих ответов, хотя курс мой уже издан⁶¹. Из Университета вернулся по людным улицам: по Тверской и бульварам. Вечером опять много ходил, наслаждаясь движением после вчерашнего лежания и неподвижного сидения дома. Съезды вынесли резолюции все с теми же требованиями о министерстве. Вот идолопоклонство. Ну что такое Горемыкин? Председатель без портфеля, вероятно, очень формально исполняющий свои обязанности по открытию и закрытию заседаний. Министры правят каждый своим ведомством, самостоятельно докладывают и некоторые пользуются полным доверием общества, как Поливанов, Сазонов, Игнатьев, Щербатов, Григорович. Нет, непременно сделай перемену формального председателя! Наивно думать, что от этой тени, какую мне представляется Горемыкин, зависят наши неуспехи, а вот посади другого – будет победа и все пойдет как по маслу. Психоз, объясняемый еще тем, что к съезду примазались зачем-то журналисты, представители Бог весть каких городов и земств: кн. Е. Н. Трубецкой, Милюков и еще кликуши в юбках. В газетах весть о мобилизации Болгарии⁶².

11 сентября. Пятница. Утро за перепиской речи, также и с 4 до 6. Затем отправился обедать к Богоявленским пешком. Лиза с Миней ездили в мастерскую Россолимо⁶³.

12 сентября. Суббота. Все утро за перепиской и отделкой речи. Затем на заседании Совета, где выбирали проректором энергичного и способного к административным делам С. В. Позднышева. М. К. Любавский докладывал о ходе совещания в Петрограде по университетской реформе⁶⁴. Возвращался с Юрой Готье. Вечер за изготовлением тем для семинария. Сегодня надо бы начать лекции, но отложил из-за речи, о чем и сообщал декану.

13 сентября. Воскресенье. Утро за речью. У меня были А. А. Фортунатов, просивший поддержать в факультете его ходатайство о продлении ему срока оставления при Университете для сдачи экзаменов. Его требуют на военную службу, но какой он солдат – только для умножения госпитального материала. Затем студент Саарбежан¹⁹, просящий карточки к проф. Митропольскому; он добивается перевода его с естественного факультета на медицинский. Затем беженец юноша Борухин, присланный ко мне Ф. А. Уховым с просьбой оказать ему содействие в поступлении вольнослушателем в Университет, типичный иудей из Белостока. После завтрака были двое моих оставленных, Новосельский и Рыбаков, с которыми побеседовал час и подарил им свою книгу и оттиски статей. Приехала Маня⁶⁵ с детьми, я отправился к Гершензону, с которым философическая беседа о значении войны и текущих событиях. Мы с ним сходимся в ненависти к верхоглядству нашей так называемой интеллигенции и к ее стадности. Я же еще развивал тему о ее идолопоклонстве. Все идолы: положительный кумир [в. кн.] Н[иколай] Николаевич (младший)], отрицательный – Горемыкин, кумир – Государственная дума. Это за последнее время. Прогулявшись и занеся В. М. Хвостову учебники, вернулся домой. У нас обедали все Богоявленские и Холи⁶⁶. Вечер с ними.

14 сентября. Понедельник. Лиза с Миней после завтрака уехали к Богоявленским. Я в три ч. отправился к Троице. На пути случилось происшествие. Около Мытищ повстречали воинский поезд. Из мелькавших вагонов неслись крики. Вдруг – бац! и окно того отделения, где я сидел один, разбилось вдребезги. Меня прямо засыпало осколками битого стекла. В тревоге прибежали пассажиры соседнего отделения. Пришли кондукторы, заявившие, что и вчера был подобный же случай озорства новобранцев. У Троицы почему-то масса народа на вокзале. Новая гостиница, где я обыкновенно в течение 6 лет останавливался, отведена под лазарет. Пришлось останавливаться в старой, менее удобной. Был большой наплыв постояльцев, так что я должен был занять первый попавшийся неуютный и темный номер. Когда я подъехал к гостинице, вдруг погасло электричество. Вот уж не знамение ли, вроде как в «Слове о полку Игореве». Устроившись, вечер провел у проф. Шостына, чтобы дать указания его сыну, поступившему на наш факультет.

15 сентября. Вторник. Читал лекцию вступительную о значении древнерусской истории, импровизируя. В Москву вернулся к факультетскому заседанию. Переизбрали проф. Грушку в деканы 13-ю голосами против 5. Эти пять, конечно: Сперанский, Щепкин, Поржезинский, [М. М.] Покровский и, вероятно, Савин или Брандт. Устроил стипендии своим оставленным: Львову – Володи Павлова в 700 р., Рыбакову – Соловьева в 600 р., Новосельскому – Иловайского в 500 р.⁶⁷ Экзаменовали Лукина, магистранта всеобщей истории, – по русской истории, отвечал о земских соборах очень хорошо, и, наоборот, нашего магистранта Панова – по всеобщей истории. Бестактно держал себя И. И. Иванов, стараясь показать свои познания и предлагая экзаменуемому вопросы из того круга, который, очевидно, им не был приготовлен. Вечером прогулка.

16 сентября. Среда. Утром прогулка. Затем готовил темы для просеминария по эпохе Александра I. В 3 1/2 ч. отправился в Университет, где встретился с Поржезинским. Так как мой просеминарий совпадает с обязательным для всех студентов нашего факультета курсом введения в языковедение Поржезинского, то я нашел у себя в аудитории всего человек 20, и то половину второкурсников. Этому нельзя не порадоваться, так как в прошлом году при 60 участниках просеминария приходилось иногда прочитывать до 5 рефератов к заседанию. Вечером был в бане, где служитель Василий Иванович, беседуя со мной, вместо обычных политических разговоров, жаловался на то, что он находится в крепостном праве у хозяина. На улицах расклеено объявление градоначальника, в котором говорится, что 14-го на Страстной площади

¹⁹ Правильно: Саарбежанц.

произошли беспорядки, и призывается благомыслящее население к спокойствию. Нервное настроение, тревоги, связанные с войной, науськивания либеральной печати, дороговизна, недостаток то того, то другого из необходимых предметов – все это создает такое напряженное состояние, которое ежеминутно готово разразиться вспышкой. Произошла свалка толпы с полицией из-за того, что городской по указанию кондуктора высадил из трамвая пьяного солдата. Были убитые и раненые.

17 сентября. Четверг. Утром направился в университетскую библиотеку за книгами для Петриады. Анучин (старая лисица) с таинственным видом меня спрашивает, буду ли я сегодня читать лекцию. Я сказал, что буду в 4 часа, и что вчера читал. «Да вчера-то читали, а сегодня-то, будете ли» – и сообщил, что среди студентов волнение по поводу слухов о том, что в числе пострадавших на Страстной площади 14-го есть и студенты. Видел А. И. Яковлева, сказавшего, что у него на просеминарии было всего 3 человека. Пророчество Анучина как будто подтверждается. Доставши почти все нужные книги – что редко бывает в университетской библиотеке, вернулся домой и читал статью Корниловича о Кожуховском походе⁶⁸. В 3¹/₂ ч. отправился в Университет. Нашел там Орлова А. С. и Готье. Оба, уйдя в аудитории, тотчас же вернулись за неимением слушателей. Я думал также скоро освободиться, но, к удивлению, нашел человек 18, так что изложил программу семинария и прочитал темы. На обратном пути встреча с Н. Н. Готье. Вечером Лиза на именинах, я дома и читал записки Шишкова⁶⁹. Сегодня посылали Миню поздравлять с днем ангела Веру Серг[еевну] Карцеву; он прибежал оттуда с грушей, виноградом и сливами. В Университете видел четвертого своего оставленного Фокина, только что вернувшегося из своего имения в Дорогобужском уезде. Рассказывал о невероятной тесноте на железных дорогах. По Александровской дороге попасть в поезд из Смоленска невозможно. Ему пришлось ехать 70 верст до Вязьмы на лошадях, затем в Калугу и оттуда уже в Москву. Едут на крышах вагонов. Тяжко. Невеселые думы. Бьет 11 ч. вечера, и ложусь спать.

18 сентября. Пятница. Утром прогулка. Великолепное ясное утро. Затем работал над биографией Петра: 1694 г. Кожуховский поход. В четвертом часу отправился на Высшие женские курсы⁷⁰ отдать просмотренное сочинение Веселовской. Любовался обширным сквером Девичьего поля с обильной растительностью, теперь ярко-желтою, в особенности вчера при солнечном свете. Встречи с А. И. и затем с М. С. Елагиными. Затем отнес учебники своей бывшей ученице Э. К. Быковской в Старо-монетный переулок на Полянке за Москвой-рекой. После такого путешествия вечер за записками Шишкова. Звонил по телефону М. С. Елагин с приятным известием, что 2-я часть учебника быстро расходуется и остается только 500 экземпляров.

19 сентября. Суббота. Утро за подготовкой к лекции – весьма не интенсивной, так как думал, что не будет студентов, по слухам, решивших бастовать три дня, и досадовал на эту бессмыслицу. Однако же, придя в аудиторию, нашел там достаточный комплект – человек 50–60, а может быть и больше. Читал по запискам характеристику Павла I. Чувствовал все же угрызения совести, что не изготавляю новых лекций, например, для нынешнего раза следовало бы составить общий обзор XIX века. Но тогда пришлось бы отказаться от работы над Петром, которая меня более интересует. Крепя сердце, решаю читать старый курс, немного дополняя его выписками из вновь прочитываемой литературы, как сегодня сделал с выписками из записок Шишкова. Читал, кажется, вразумительно, но закончить, по обыкновению, не умел. Домой шел далеким путем, зайдя на Никольскую, по Александровскому саду, наслаждаясь опять золотистыми тонами осени, хотя уже сегодня пасмурно. Встреча с М. А. Голубцовой на Пречистенском бульваре. Только что вернулся домой, как пришел Д. Н. Егоров, которого очень рад был видеть: пили чай, а затем удержал его обедать, и проговорили до 9 час. Затем газеты. Сейчас бьет 11 час. вечера. Миня спит, Лиза на собрании в своем очаге⁷¹. Тишина.

20 сентября. Воскресенье. Утром, пройдя на Девичье поле, встретил Д. Н. Егорова, идущего смотреть на игру в теннис своей дочери Адочки, а затем в лазарет. Дивная погода, золотая осень. Сквер на Девичьем поле особенно красив благодаря обилию растительности. Вернувшись домой, готовился к завтрашней лекции в Академии. За завтраком у нас новобранцы: Лизина племянница Таня с мужем, инженером на одном из уральских заводов, а также Маргарита и Надя⁷². Призывала меня В. А. Карцева познакомиться с живущим у них беженцем, священником из Холмской епархии.

Батюшка очень стар, апостольского вида. Много говорил о падении нравственности, о необходимости знать Слово Божие и излагал свои проекты об учреждении в каждой епархии двух архиереев: одного архиерея – администратора и одного архиерея – миссионера, который будет поучать администратора. Все это было тягостно-скучно и несуразно. Я возражал из вежливости, но при первой же возможности бежал. К 6-ти мы с Миней отправились к Липушатам обедать и вернулись оттуда к 10 часам.

21 сентября. Понедельник. Отправился к Троице с поездом в 10 ч. 30' прямым и скорым. На платформе меня ожидал юноша Шостын с просьбой передать его отцу, если тот станет тревожиться, что он в забастовке участия не принимал, цел и невредим. В вагоне я нашел А. Н. Алмазова. Лекцию думал читать по записке, но так как аудитория была полна, а это действует как-то возбуждающе, то говорил без всяких записок о географическом положении и природе России и о племенах, населявших ее в IX и X веках. Обедал у себя, а затем сделал большую прогулку к Черниговской⁷³. Ходил в одном пиджаке, настолько теплая и ясная погода. Любовался красивым видом скита среди пожелтевших густых куп растительности и отражением золотых глав в зеркальной воде. В картине этих маленьких монастырьков среди леса и полей – что-то совсем нестеровское! Вечер весь у себя за чтением записок Дмитриева⁷⁴.

22 сентября. Вторник. Утром лекции. Выяснил вопрос об акте; его не будет, и речь моя пусть лежит еще год, но всетаки хорошо, что она готова. Возвращаясь из Посада, был задержан в Хотькове в течение 1½ часов, так как путь занят был слишком длинным воинским поездом, которого не мог дотащить паровоз, так что на выручку посылался другой паровоз. Погода сегодня резко изменилась. Пасмурно и холодный ветер. Благодаря опозданию поезда, я опоздал на факультетское заседание, однако пропустил только текущие дела. Главными вопросами были: о философских магистерских экзаменах и об ассистентах. Накопилось так много державших экзамен по философии, что решительно не хватает заседаний. Философы признавали положение безвыходным, прочие же члены факультета потешались, видя, как они варятся в собственном соку. Я указал, и довольно резко, на перепроизводство оставляемых по философии. У нас уже 13 приват-доцентов, человек 6 кончили экзамены в прошлом году, и вот еще 8—10 держат экзамен теперь. Где же эта масса найдет приложение своим знаниям? К удивлению, меня поддержал не кто иной, как Л. М. Лопатин, который обрушился на своего коллегу, оставляющего множество молодых людей при кафедре для дарового обслуживания Психологического института⁷⁵. Надо полагать, что Челпанов поймет, что факультет не одобряет его приемы, и умерит свои оставления. Ассистентами у нас решено считать трех преподавателей, восполняющих пробелы в профессорском преподавании: Брауна, Ушакова и кого-либо из приват-доцентов по всеобщей истории с тем, чтобы преподавал вспомогательные исторические науки: палеографию и прочее. Пообедав дома в одиночестве (Лиза с Миней были у Карповичей), я отправился в заседание Военно-исторического общества⁷⁶, где штабс-капитан Троицкий делал сообщение о ходе войны за 14 истекших месяцев. Был очень любезно встречен вице-председателем проф. Д. В. Цветаевым. Редко когда слушал что-либо, чем этот доклад²⁰. Вернулся домой в 12-м часу ночи.

²⁰ Так в тексте.

23 сентября. Среда. Утро с 10 до 2 в Университете в стипендиальной комиссии с Челпановым. Позавтракав дома, опять в Университет на просеминарий, где собралось множество народа, так что моя мечта вести занятия в малом кружке исчезла. Из Университета заходил в разные магазины за покупками. Вечер дома.

24 сентября. Четверг. Ошеломляющее известие об отставке Венизелоса одновременно с разрывом отношений с Болгарией⁷⁷. Война становится все сложнее и все разгорается. В 11^{1/2} в Университет; по дороге встретился с Грушкой, и беседовали о газетных известиях. Прослушал две пробные лекции молодого Виппера, очень хорошо прочитанные с волшебным фонарем. Поздравил с успехом и отца и сына. Затем у меня экзамены и коллоквиум, затем семинарий, где пришлось повторить сказанное в прошлый четверг, т. к. явилось много новых студентов, не бывших в прошлый раз из-за забастовки. После семинария опять экзаменовал до 7. Пришел домой порядком измученный и ни к какому уже делу неспособный. Сейчас немного прошлепался, как будто и освежился. Рассматривали с Миней иллюстрированное издание Фруассара⁷⁸.

25 сентября. Пятница. Утро за биографией Петра. Получил от Е. Н. Щепкина из Одессы оттиск его работы «Варяжская вира»⁷⁹. После завтрака ездил в Сберегательную кассу отдать имевшиеся у меня три золотых, дабы этой лептой умножить золотой государственный запас. Оттуда на Курсы, где открыл семинарий по Екатерининской комиссии⁸⁰. Собралась очень большая аудитория; если не уменьшится, то прочитывать письменные работы будет тяжело. Среди слушательниц была О. И. Летник. Затем после семинария заходил в библиотеку отдать III часть учебника и распорядиться относительно пособий для семинария. Беседа с О. А. Алферовой. Повидал также Марью Егоровну⁸¹, неустанную труженицу. Сильно похудела и вид истомленный. После обеда у нас весь вечер А. П. Басистов; с ним читали письмо о Пушкинских торжествах 1880 г.⁸²

26 сентября. Суббота. Утром прогулка по Девичьему полю. Затем над биографией Петра. Помешал мне явившийся из Казани оставленный там при университете С. А. Пионтковский, державший государственные экзамены в бытность мою в Казани председателем комиссии⁸³. Он и тогда показался мне весьма недалеким и оставлен был ради того, что сын профессора: «по отцу и сыну честь»⁸⁴. Сегодня я еще более убедился в этом. Он разошелся с женою, весьма миловидною и умненькою особою, прекрасно одновременно с мужем державшею те же экзамены, много лучше мужа. Он хочет жить в Москве и просил позволения посещать семинарии. Представления о магистерском экзамене у него смутны. Битый час, как и в Казани, я ему разъяснял наши требования. Семинарии посещать ему, конечно, может быть полезно. Только что он ушел, явилась т-те Фомина, готовящаяся так же к магистерскому экзамену по русской истории. Это очень точный ум и, кажется, светлая голова. Вслед за ней, только что было наладилась моя работа, явилась одна из курсисток, вчера бывшая на семинарии, но не понявшая, в чем дело, и пришла расспрашивать и переспрашивать; а в сущности – не знает, куда девать время. Все же удалось, просидев до 6 часов, кое-что сделать. Затем прогулка до Мерилиза⁸⁵ за этими листками. Вечер за статьей Щепкина и за записками Шишкова. Миня за завтраком расплакался, что не удалась прогулка с Богоявленскими в Сокольники.

27 сентября. Воскресенье. Утро после прогулки и подготовки к завтрашней лекции за биографией Петра. Миня уехал с Богоявленскими в Пушкино, и сколько было радости при отъезде. Мы завтракали вдвоем с Лизой. До чаю я опять писал биографию и закончил Кожуховский поход. К чаю пришел С. Б. Веселовский, по обыкновению очень пессимистически настроенный, и изрекал самые мрачные перспективы: теперь передышка, а весной напор немцев, война еще два года и т. д. Разговор вертелся, впрочем, больше около главного известия нынешнего дня – ухода в отставку из обер-прокуроров Самарина⁸⁶, а из министров внутренних дел Щербатова⁸⁷. Самарин взялся не за свое дело и за борьбу, в которой оказался бессилён. Я

это предсказывал. Здесь и Победоносцев оказался бы едва ли в силах. За чаем и обедом у нас Марг[арита] и Надя. Потом я ездил к Богоявленским за Миней. Свежая, но ясная погода.

28 сентября. Понедельник. Были разбужены малярами, которые начали с 7 ч. утра вставлять рамы. Маляров удалось добыть не без труда. Теперь времена совершенно изменились: не рабочие кланяются господам, а господа рабочим, и кланяются, пожалуй, ниже первых. Еще маляры милостивы, но вот ломовые извозчики – совершенно неприступны и ни на какие поклоны не обращают внимания. В Академии читал о расселении славян. В профессорской горячие разговоры тоже об уходе Самарина и о епископе Варнаве. В газетах слухи о том, что иерархи собираются фрондировать. Но почему же соглашались ранее делать В[арнаву] епископом, видя ясно его непригодность! Теперь пожинают посеянное. После обеда гулял до скита⁸⁸. Ясно и свежо, лист уже почти облетел. Вечер одиноко в гостинице за чтением журналов, и книги Дорна («Каспий»)⁸⁹, и живо написанной Кареевым статьи о Дантоне⁹⁰.

29 сентября. Вторник. Утром лекция о родовом быте у славян в Академии и занятия. По приезде домой нашел Миню больным: жар до 39°. Кажется, засорение желудка. Вечером первое в этом году заседание ОИДР⁹¹. Читал Готье, на редкость плохой доклад о ликвидации местных учреждений перед Екатерининской реформой 1775 г.⁹² Как раз он обратил внимание на самые неинтересные стороны вопроса: о сдаче старыми учреждениями новым дел, о переходе из одних в другие подъячих и канцелярских служителей и т. п. и совсем не коснулся вопросов о выборах членов от сословий в новые местные учреждения, об образовании самых губерний. Это было ему замечено мной и М. К. Любавским. Нет, положительно не талантлив, нет ни искорки дарования. Ну, ничего, образованный человек, и то хорошо. После заседания пошли ужинать в ресторан «Россия» в Охотном ряду. Были Белокуров, Любавский, Веселовский, Готье, Писаревский, Сухотин и я. Разговор об отставке Самарина, которому, как я и предвидел, не удалось одолеть Распутина, и о новом министре внутренних дел Хвостове. Степ. Бор. Веселовский по обыкновению ныл. Сухотин передавал об удрученном настроении в среде московского дворянства.

30 сентября. Среда. Вот и прошел сентябрь месяц. За весь месяц немцам не удалось ни на шаг подвинуться вперед. Что ни говори пессимисты, а это одно уже громадная заслуга нашей армии. Московская городская дума все вчерашнее заседание посвятила церковным делам. По открытии собрания в 7 час. вечера, Дума тотчас же устроила «частное совещание», и совещалась по поводу выхода обер-прокурора Синода три часа, затем в 10 час. вечера началось открытое заседание, которое и ограничилось чтением резолюции, выражающей сожаление по поводу ухода А. Д. Самарина и ущерба, причиненного его уходом православной церкви. Городские же дела из-за синодских были отложены до следующего заседания, они могут и подождать. Уход Самарина, не смогшего одолеть «темную силу» Распутина, вызывает чувство сожаления в русских людях. Но на выражение *чувств* можно было истратить ровно десять минут, а не 3 часа, и уже ни в каком случае не откладывать из-за этого выражения городских дел. Дума, руководимая кадетом Челноковым, всецело ушла в политику, а город остается без дров, без сахара и без разных других предметов первой необходимости. Извозчики сделались сущими разбойниками, а город и не помышляет о таксе. О ломовиках и говорить нечего. Вопрос о предельной высоте домов все продолжает лежать под сукном. Конечно, где же заниматься этими делами, когда часы уходят на словоизвержения о Синоде и Распутине. В Думе немало атеистов и людей, глубоко равнодушных к православной церкви, а тут, извольте видеть, как эта церковь вдруг стала всем дорога. При общем нервном настроении такого рода демонстрации вносят в общество еще больше смуты и недовольства и прищипывают тех, кто без этих выступлений был бы спокоен. У нас гражданином считается лишь тот, кто бурлит, суетится, всячески выступает, критикует и протестует, а не тот, кто делает свой вклад на общую пользу бесшумно. Дума обнаружила гораздо больше гражданского сознания, если бы в переживаемое

тяжелое время занялась удовлетворением острых нужд города и оставила бы всякие политические выступления. От ее прямой деятельности на пользу города и государству было бы больше пользы, чем от резолюции. Среди «отцов города» немало таких, которые, благородно негодуя и подписываясь под политическими резолюциями, тою же рукой, которою делают подпись, «придерживают» разные товары, чтобы повысить цены, скупают их, укрывают запасы в качестве членов правлений и советов разных банков и вообще под шумок ловко обделывают свои темные и корыстные делишки. В Думе заседают четверо Бахрушиных⁹³, из них А. А. Бахрушин, меценат и основатель Театрального музея⁹⁴, откровенно говорил В. А. Михайловскому, что летом 1914 г., почуяв неминуемое приближение войны, они, Бахрушины, «скупчили» всю кожу и «придержали» ее до высоких цен. И это говорилось без всякого стыда! Вот и цена этим либеральствующим «гражданам».

Заходил на семинарий, где давал разные объяснения. В профессорской видел Грушку и Поржезинского. Вечер за книгой Посселята о Лефорте⁹⁵.

1 октября. Четверг. Забастовка трамваев! Говорят, что причиной служит неуплата трамвайщикам жалованья за три дня забастовки в сентябре. Каждый день – новый сюрприз. Живем изо дня в день. Прожили сегодня, а за завтрашний поручиться нельзя. Читал Посселята. Чай пил у Ольги Ив. Летник. Очень скорбит о двоюродном брате, убитом на войне. Издерганы нервы войною. Вечером у Карцевых; у них в квартире —17° тепла и сахару запасено 10 пудов. День проведен бесплодно.

2 октября. Пятница. Забастовка трамваев вызвана тем, что трамвайщикам управа не выдала жалованье за 3 дня сентябрьской забастовки. Сегодня некоторые трамваи уже ходят. Утром прогулка и чтение Posselt'a. Затем был на Курсах, где встретился с Петрушевским, Розановым и Сторожевым. Последнего несколько обидел, сказав, когда он стал смеяться над петербургскими отношениями Петрушевского, что ведь и сам он, Сторожев, в 1913 г. замечен был во дворце со Станиславом в петлице⁹⁶, да еще прибавил, что, должно быть, и орден за социал-демократическую деятельность получил. Это было ему, как я заметил, неприятно, потому что он трус неимоверный и свою социал-демократию скрывает. Каюсь, что, может быть, слишком был резок. Но уж очень мне его поведение с его юбилейными купеческими изданиями⁹⁷ и высокопарными и подхалимными предисловиями кажется подлым. На Курсах был опять в библиотеке, отдал библиотекарше О. А. Алферовой 1-й том издания Вергилия, два тома которого брал у меня покойный Протопопов, и с его книгами они попали в курсовую библиотеку. По дороге с Курсов встретил В. И. Репина⁹⁸, сообщившего мне последние сплетни. Вечером читал Посселята и опять гулял. Погода все время свежая без ветра. Из газет узнал, что наша Академия избрала А. Д. Самарина почетным членом". Об этом беседа с С. И. Соболевским при встрече на вечерней прогулке.

3 октября. Суббота. Утром был в Университете, читал лекцию о законодательстве Павла I и о его смерти. Народу много, поэтому читал оживленно: большая аудитория как-то возбуждает. Лекция кончилась аплодисментами, цена которым невелика, но, действительно, читал, должно быть, недурно. Видел Виппера и Поржезинского, а затем Брауна, Мюллера, Ланна – разговор о войне, ругательства по адресу Болгарии. Затем в библиотеке, где взял мемуары Массона¹⁰⁰. Домой через Александровский сад: великолепная, свежая, слегка морозная, но солнечная погода. Наших не было дома, наслаждался тишиною. В парикмахерской Пашкова, куда ходили с Миней, получил марки вместо серебряной монеты¹⁰¹. Вечер за Посселятом и не выходил.

4 октября. Воскресенье. Такой же великолепный день, несколько морозный, но тихий, ясный, солнечный, как и вчера. Утром гуляли с Миней по Девичьему полю. У нас за чаем О.

И. Летник. Вечер у Богоявленских, где были Холи и Егоровы. Сегодня Москва объявлена на военном положении – и давно пора было это сделать.

5 октября. Понедельник. В газетах указ о снятии опеки с вел. кн. Михаила Александровича¹⁰², вероятно, это признак, что ему поручено будет управление государством, пока государь будет командовать войсками. Утром обычная прогулка – погода такая же ясная. Затем чтение Посселята. Лиза с Миней после завтрака уехали в кинематограф, а у меня был оставленный при Киевском университете Яницкий, принесший мне труды киевского историко-этнографического кружка, три тома, в которых напечатаны удостоенные медали сочинения киевских студентов¹⁰³. Дивлюсь энергии Довнар-Запольского и умению его устраивать дела и выхлопывать субсидии на издания. После обеда отправился к Троице, зяб в вагоне. Пишу в номере. 11 ч. вечера.

6 октября. Вторник. Утром в Академии. Д. И. Введенский сообщил, что скоро на нужды военного ведомства отберут и старую гостиницу. Вот мы и останемся без крова! Известие не из приятных – придется искать приюта. Ну да что же делать; для войны надо всем жертвовать. Под влиянием тревожных разговоров лекцию читал не очень сосредоточенно. После лекций отправился на вокзал; оказалось, что не проходил еще скорый поезд, сильно запоздавший. Подождав его несколько, я с ним и отправился в Москву в тепле и без остановок: в обычном поезде вагоны пока еще очень плохо отапливаются. С вокзала на факультетское заседание, где надо было решить вопрос о рецензентах на присланную книгу Флоровского. Назначены я и Ю. Готье. Вернувшись домой, узнал о приглашении Рахманова в театр на «Хованщину»¹⁰⁴ с Шаляпиным, куда и поехали. Миня долго не возвращался из мастерской Россолимо, что повергло Лизу в большую тревогу. Вечер в опере; после ужина с Лизой в «Праге».

7 октября. Среда. Манифест о войне с Болгарией¹⁰⁵. В Москве совсем нет сахара – подлецы спекулянты. Утром подписался на журнал «Старые годы»¹⁰⁶. В 4-м часу ходил в Университет. День и вечер за Посселятом.

8 октября. Четверг. Утром исправлял многое в написанном о Петре по материалам Посселята. После завтрака пренеприятный спор с Лизой о том, пора ли или нет учить Миню, составив для него группу из детей. По двум неудачным опытам с ним: хождение в детский сад два года тому назад, возбуждавшее у ребенка только отвращение, и глупейшие уроки ритмической гимнастики в прошлом году, также возбуждавшие в нем недовольство, я боюсь, как бы и третий не оказался столько же неудачным. Слезы и упреки, мало, впрочем, как-то меня затронувшие. По дороге в Университет завел Миню в мастерскую Россолимо, куда он ходит с удовольствием – этим и надо пользоваться. В Университете виделся с Савиным и Юрой [Готье]. Разговор о неудачных пробных лекциях Захарова и об основании Потребительского общества служащих в Университете. Затем беседа со студентами, пишущими рефераты.

Возвращаясь домой, зашел за Миней, и домой пришли вместе. Вечером у нас Вл. Ал. Михайловский.

9 октября. Пятница. Утро над главой об Азовском 1-м походе¹⁰⁷. После завтрака был в Архиве иностранных дел¹⁰⁸, отнес учебник VI класса в подарок. Взял несколько книг и купил указатели к Дворцовым разрядам¹⁰⁹, к Актам историческим¹¹⁰ и прочее. Затем ходил опять за Миней в мастерскую Россолимо. Вечер на государственном экзамене по русской истории в Университете. Виделся с Грушкой, М. К. Любавским, Соболевским и Алмазовым. Экзаменовалось у меня 8 человек: 4 в[есьма] удовлетворительно] и 4 удовлетворительно].

10 октября. Суббота. Лекция в Университете; читал как-то вяло, и слова не шли на язык. В результате недовольство. Был затем в библиотеке, где нашел издание походных журналов Петра Великого¹¹¹. Вечер за «Записками» Шишкова. По дороге из Университета на Никитском бульваре встретился с П. И. Беляевым, теперь членом Окружного суда в Москве.

11 *октября*. Воскресенье. Несколько продвинул биографию Петра. Был на концерте Шора, Крейна и Эрлиха, сыгравших три бетховенских трио.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.